

## ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРУМ 2, ЛИЧНЫЕ СТРАНИЦЫ

## ЧЛЕНОВ СОЮЗА СЛАВЯНСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ

OLGERDZHEMAITIS@YANDEX.RU

ЖЕМАЙТИС О.Ф.

## ЧЕХОСЛОВАКИЯ

(1968 – 1972 гг.)

В самом начале декабря 1968 г. я прибыл в чешский город Френштат под Радгоштем, чтобы продолжить службу в 1047-ом артиллерийском полку 31-й танковой дивизии только что созданной Центральной группы войск (ЦГВ). Моему приезду предшествовала утомительная и продолжительная поездка из Вильнюса, где я проходил службу, по территории Белоруссии и Западной Украины до Ужгорода. В котором я с несколькими сотнями других младших офицеров, собранных из всех внутрисоюзных военных округов на сборном пункте под городом, ждал оформления документов и прибытия спецэшелона для отправки в Чехословакию.

Когда все формальности, в том числе и таможенные, были соблюдены, а офицеры размещены по маленьким чешским вагончикам с сидячими местами, мы тронулись в путь.

Расстояние от Чопа (приграничной станции) до Оломоуца, которое пассажирский, скорый поезд проходит за несколько часов, наш эшелон проделал за несколько суток. Не исключено, что умышленно и по вине чешских железнодорожников, протестовавших таким образом против вторжения советских войск в их страну три месяца назад.

На сборный пункт Оломоуца все мы прибыли порядком измученными и голодными, т.к. все выданные нам в дорогу сухие пайки давно закончились, а от наших советских рублей на станциях чехи воротили носы.

В Оломоуце, где размещался штаб 8-го армейского корпуса, мой жребий по воле кадровиков пал на прекрасный чешский город Френштат под Радгоштем, расположенный в 100 км от Оломоуца в красивой гористой местности Северной Моравии.

Прибыв в полк, я с несколькими другими офицерами, в том числе с лейтенантом Кратом и лейтенантом Ляскало (с ним я учился на Центральных артиллерийских курсах в Ленинграде в 1966 году), лейтенантом Якушиным Петром (мы с ним потом служили в ТуркВО) были представлены начальнику штаба полка и исполняющему обязанности командира полка подполковнику Ставскому Льву Павловичу и заместителю начальника штаба Бардичевскому Леониду Борисовичу. Командир полка полковник Палаткин в это время находился в штабе дивизии, в городе Брюнтале.

Представился я и замполиту полка подполковнику Исачкину, а также познакомился с начальником автослужбы полка майором Осиповым и начальником службы артиллерийского вооружения майором Романовым. Меня определили на должность командира взвода разведки полка, которым командовал лейтенант Кузнецов Леандр Петрович, уходивший на повышение - на должность командира батареи.

В тот же день я был представлен взводу разведки и познакомился с ребятами вверенного мне для командования элитного знамённого подразделения арtpолка. Почти все они входили в Чехословакию в августе 1968 года, а потому считали себя стариками-ветеранами, принимавшими участие в реальной боевой операции. Хотя полк на территории ЧССР нигде не обстреливался и все поставленные перед ним задачи выполнил без ощутимых материальных потерь.

Взвод разведки состоял примерно из 20 человек и имел следующую структуру:

отделение разведки;

отделение АПНП (артиллерийский подвижный наблюдательный пункт);

отделение сопряжённого наблюдения;

отделение АРСОМ (артиллерийская станция обнаружения миномётов на базе артиллерийского гусеничного тягача АТЛ);

отделение связи;

и прикомандированного отделения химической защиты;

Заместителем командира взвода был сержант Остертаг, немец по национальности, обладавший определёнными деловыми и командными качествами и пользовавшийся авторитетом у своих подчинённых.

Станция АРСОМ была неисправна, разукомплектована, как, наверное, все станции подобного типа, включая и станции наземной артиллерийской разведки СНАР по всем Вооружённым Силам, ибо за всю свою службу в армии я так и не увидел хотя бы одну из них в рабочем состоянии. Грохота от них было много, красиво и угрожающе вращалась антенна, а данные часто выдавались неверные или сфабрикованные с помощью других средств разведки. А то и просто на глазок, чтобы хоть как-то оправдать зарабатываемый хлеб расчётом.

АПНП не было в наличии во взводе, и поэтому отделение я привлекал на учениях в разных ипостасях. Да, и сам этот АПНП, как мне объяснили, представлял обыкновенный артиллерийский тягач с кронштейнами в кузове для крепления приборов разведки.

Из автотехники имелись: ГАЗ-63 и ЗИЛ-157 для перевозки личного состава и ГАЗ-69. Все автомобили еле двигались и нуждались в постоянном обслуживании и ремонте, как, впрочем, и вся автотехника полка.

На вооружении взвода также имелись: два разведывательных теодолита, один дальномер ДС-2, два бинокля Б-8, одна буссоль ПАБ-2А, две радиостанции Р-108, два телефонных аппарата ТА-57 и др.

Всё это вооружение находилось на самом примитивном уровне по сравнению с вооружением стран, входящих в НАТО, организацию которого мы изучали. У наших потенциальных противников уже в то время широко применялись приборы ночного видения, лазерные дальномеры в виде биноклей, АРСОмы по размерам с транзисторный радиоприемник, спутниковая навигация и топопривязка, портативные радиостанции, ЭВМ и т.д.

К тому же всё это наше допотопное вооружение также нуждалось в ремонте, обслуживании и постоянной выверке. С чем я столкнулся сразу же после выпуска из училища в 1966 году. Уж если в Европе у нас было такое убогое вооружение, то что уж говорить о неевропейских внутрисоюзных округах! При этом сразу возникала аналогия не в нашу пользу с организацией соединений и частей стран НАТО, в которых численность личного состава превалировала раза в полтора над нашей за счёт обслуживающих боевую технику подразделений. Наш же солдат, служивший два года, и офицер из-за недостатка финансирования и гипертрофированно раздутых штатов за счёт создания новых округов, зарубежных групп, ставок, усиления войск на границе с Китаем и т.д. должны были быть специалистами во всех областях знаний в вопросах ремонта и обслуживания вверенного им вооружения. И часто вынуждены были заниматься вопросами, не связанными с военно-учётной специальностью, что, конечно же, отражалось не в пользу боевой готовности подразделений и частей в целом.

Сам артиллерийский полк имел на вооружении гаубицы М-30 образца 1938 года, старые зилевские тягачи, разукомплектованный топопривязчик в топовзводе и другую технику, далёкую от духа того времени, удобства и точности в использовании.

И за все мои 4 года службы в ЦГВ в полку мало что изменилось в пользу новых, более современных образцов вооружения. Если не считать, что в конце 1969 г. в полк, вместо гаубиц М-30, прибыли более современные Д-30, предназначенные уже не только для стрельбы с закрытых огневых позиций, но и прямой наводкой кумулятивными снарядами по танкам на расстояние до полутора километров. Обновился и автомобильный парк полка.

Надо сказать, что полк по своему национальному составу был довольно разношёрстным в отличие от других полков советских групп на территориях других стран Варшавского договора. Ибо в полном своём интернациональном составе до ввода в ЧССР дислоцировался в г. Тереховле Западной Украины. А посему не подвергался по тревоге отбору офицеров, сверхсрочников и солдат по национальному признаку. Что широко практиковалось кадровиками Минобороны в отношении одиночных военнослужащих перед их отправкой за границу, куда имели право быть направленными только те, кто не являлся сиротой по рождению и «советским иностранцем» какой-либо страны за пределами СССР, даже если эта страна входила в военную организацию Варшавского договора, во главе которого стоял СССР.

Поэтому в полку служило много советских румын, поляков, евреев, немцев, венгров и т.д., что создавало особый колорит в службе и в быту, как и во всех частях и соединениях Союза.

После знакомства со взводом я получил койку в солдатской казарме на втором этаже, где уже жили человек 10 офицеров. Теснота и скученность везде чувствовались. Всё хранилось навалом и бессистемно, в том числе и оружие с боеприпасами и ручными гранатами, что незамедлительно вылилось в несколько ЧП с гибелью солдат. Всё это явилось следствием выполнения боевого задания под Вышковом. Где полк, в котором мне предстояло служить, с его вводом в ЧССР блокировал чешскую танковую академию. Не позволяя ей развернуться к боевому использованию против советских войск (я вообще сомневаюсь, что у кого-нибудь из командования этой академии было желание воевать с русскими).

Полк был размещён на зимние квартиры во Френштатском гарнизоне вместе с 100-ым танковым полком, ракетным и реактивным дивизионами. Таким образом, там, где размещалась одна войсковая чешская часть сокращённого состава, разместились четыре советские, да ещё по штатам военного времени. В начале 1969 г реактивный дивизион (командир дивизиона майор Поволоцкий) был выведен на постоянную дислокацию в г. Либаву. И в гарнизоне стало немного свободнее.

Вскоре я познакомился с офицерами полка, особенно с офицерами по общежитию. Жившими не обременёнными семейными, да и особо служебными обязанностями, ибо все в то время наслаждались холостяцкой свободой, вдыхая при этом воздух «Пражской весны». Ибо сразу же все столкнулись с гораздо более уютной и комфортной жизнью за пределами гарнизона в оккупированной Чехословакии, чем где бы то ни было у себя дома в Союзе.

Узнал, что на территорию ЧССР полк входил 21 августа в 3 часа ночи. Чешские пограничники отказались открывать шлагбаум. Пришлось головному танку протаранить эту полосатую деревяшку и войти на территорию ЧССР. Причём, проезжая колонной по землям Словакии, местные жители городов и сёл, не догадываясь об оккупации их страны, встречали наших военных цветами и маленькими бутылочками коньяка и водки. Но затем, узнав о вторжении, в наши машины полетели уже камни, пивные кружки, а кое-где прозвучали и выстрелы по нашим колоннам. В целом же операция «Дунай» прошла довольно успешно и во многом благодаря чешской контрразведке, сотрудничавшей с нашими войсками, представители которой провожали наши колонны до мест назначения, и обеспечивая благополучное прибытие советских самолётов с десантниками на борту в Прагу и другие крупные города Чехословакии. В Праге 21 августа 1968 года десантники каунасской Седьмой воздушно-десантной дивизии в 2 часа ночи, находясь на борту АН-24 и получив от чешских диспетчеров согласие на аварийную посадку, сразу же по приземлении конфисковали гражданские автобусы и машины, находившиеся в аэропорту. Куда через

каждые 30 секунд стали приземляться транспортные АН-12 с подразделениями десантников и военной техникой. И колонной из конфискованных машин двинулись в центр города, чтобы занять все правительственные учреждения, а также почту, телеграф, телефон и силовые министерства. То же самое происходило и в других крупных городах ЧССР. Так началась топорно разработанная, как всегда, с большими человеческими жертвами операция по оккупации советскими войсками Чехословакии, похоронившая на 23 года «Пражскую весну» - процесс демократических реформ, проводимых компартией Чехословакии под руководством Александра Дубчека.

Как позже стало известно, в августе 1968 г. в Чехословакию при проведении операции «Дунай» вошли 18 советских мотострелковых с 22-мя авиационными и вертолётными полками и с 5-ю польскими пехотными дивизиями. От ГДР, Болгарии и Венгрии полки и дивизии были представлены символически. Поэтому вся эта армада, нацеленная на 12 чешских дивизий сокращённого состава при таких скоростных маневрах, ибо все генералы любыми путями пытались выполнить в срок приказы о нейтрализации чешских соединений и частей, конечно же не могла обойтись без больших человеческих жертв как с нашей, так и с чешской стороны. Во сколько человеческих жизней обошлась вся эта военная операция, хотя бы за год пребывания наших войск в Чехословакии, существуют негласные цифры в 15 тысяч человек убитыми и искалеченными. Это, не считая потерь с чешской стороны, машины и поезда которых оказывались на пересечениях с нашими отдельными машинами и колоннами. В некоторых случаях в нашей печати это преподносилось, как акт протеста чехов против ввода советских войск, перегораживавших дороги, и героизм наших солдат, пострадавших в автокатастрофах, но предотвративших наезд на местных жителей.

У чехов потери были значительно выше и многие наши водители и офицеры в 1968 – 69 гг переполнили пражскую тюрьму «Панкратц». Но в дальнейшем все они были переданы советской стороне и все эти лихачи, выпивохи или просто не имевшие достаточного опыта в вождении водители и офицеры были осуждены по советским законам мирного времени или наказаны в служебном порядке.

В частях Группы дошло до того, что старшими машин приказом Командующего ЦГВ генерал-полковника Майорова стали назначать офицеров в звании не ниже майора. Надеюсь вот таким способом прекратить или уменьшить эту набирающую обороты пляску смерти на дорогах Чехословакии. В то время ходила даже такая шуточная памятка для чешских автолюбителей: «Выезжая на перекрёсток, посмотри налево и направо – нет ли русского «Урала». Там, где в гористой чешской местности должны работать только шофёры-профессионалы, по нашим меркам не ниже 2-го разряда, из-за многочисленных серпантинов, обрывов, крутых подъёмов и спусков; наши водители, закончившие только-только перед самой отправкой их в Чехословакию курсы ДОСААФ, а равно и не имевшие опыта вождения

машин в горах водителей из запаса, да ещё на больших скоростях явно не дополняли благополучия в ежедневные сводки о ДТП с человеческими жертвами.

В начале 1969 г. по всей Чехословакии прокатилась волна самосожжений граждан в знак протеста против ввода наших войск и курса правительства ЧССР, ничего не делавшего для прекращения оккупации. Началось всё с самосожжения Яна Палаха на Вацлавской площади Праги. После этого первого самосожжения в январе 1969 г. И последовавшего за ним всплеска демонстраций и других актов протеста по всей Чехословакии, наших офицеров и сверхсрочников на несколько дней посадили на казарменное положение со строгим запретом выхода в город.

Танки урчали в парке в готовности к немедленному выступлению, машины тоже. А мы все ложились спать в готовности к немедленному выходу по тревоге.

Вскоре страсти улеглись, и мы разошлись по своим офицерским ночлежкам. Но самосожжения не прекращались, многие молодые люди появлялись в городе с чёрными траурными повязками на рукавах, были вывешены чёрные флаги скорби, и случилось даже, что какой-то молодой чех в ресторане Френштата при виде советских офицеров облил себя какой-то жидкостью и пытался её поджечь. Но его сами же чехи скрутили и отправили в больницу

Чешские кроны платили регулярно, и тратить на питание их не было никакой нужды. Ибо все офицеры и сверхсрочники ежедневно питались три раза в день в офицерской столовой гарнизона за продовольственный паёк в 25 рублей в месяц, удерживаемый с нашего денежного содержания в рублях, откладываемых ежемесячно на наши сберкнижки в виде полных окладов за звание, должность и за выслугу лет. Удерживали на питание также и какую-то часть денег в чешских кронах – где-то 150 – 200 крон в месяц. На руки же я как командир взвода получал 1900 крон, что было сопоставимо со средней зарплатой чешского работника – специалиста и вполне хватало на холостяцкие мелкие расходы с избытком. Да, и тратить их, кроме как на спиртное, было некуда. Несмотря даже на то, что все полки чешских магазинов были завалены товаром, за которым люди в Союзе охотились, особенно женщины, как за эликсиром молодости и вечной жизни, выстаивая многокилометровые очереди, занимая деньги и расплачиваясь за них всеми своими сбережениями и заработками, а то и своими телами.

Глядя на всё это изобилие и сравнивая чешские выставленные на продажу товары с нашими бедными магазинными прилавками, поневоле задумываешься не только о смысле жизни, но и «особом пути развития нашего советского общества недопотребления». Которое «держится не на каких-то иллюзорных институтах, как на Западе, а на доверии людей к первому лицу в государстве. На идее глубинной народности и единения простого люда и власти». Всё это демагогия и пустозвонство. Для большинства людей лучше синица в руках, чем журавль в небе. И так позориться, расхватывая в чешских магазинах всё

подряд, могут только измученные дефицитом и невниманием властей к их проблемам люди.

Здесь же в офицерской среде преобладала своя, пьяная холостяцкая философия на сей счёт: будешь прибарахляться – не будешь пользоваться уважением товарищей, а будешь ещё к тому же отказываться от совместных застолий – получишь прозвище «Не пришей к п... рукав», и про тебя будут рассказывать анекдоты. Политработники на занятиях тоже не рекомендовали «заниматься вещизмом», ибо совсем недавно в Швейцарии вышел фильм под названием «В погоне за русским Иваном», в котором были показаны наши офицеры и сверхсрочники ЦГВ на улицах чешских городов, обвешанных с головы до ног всевозможными магазинными свёртками. Что не делало чести всем советским «голым сапиенсам» и вызывало иронию у местного населения.

К тому же это было время, когда во всех чешских и словацких городах, где стояли наши части, реально ощущалось противостояние населения с нашими военными. Что проявлялось то ли в виде появлявшихся антисоветских лозунгов на стенах домов, часто с фашистской свастикой. А иногда и на наших машинах или на фасадах наших штабов и зданий. Или в выступлениях молодёжи («длинноволосиков», как мы их называли) возле КПП воинских частей, собиравшихся небольшими группами. И скандирующих, чтобы мы все «Убирались домой, ибо здесь водки и балалаек нет», «Ленин, проснись, Брежнев с ума сошёл», «Отец – освободитель, сын – захватчик», «Шёл бы ты домой, Ванюша, там е... твою Катюшу» и т.д.

Когда я приехал во Френштатский гарнизон, я застал ещё вооружённых автоматами патрулей, нёсших службу на центральных улицах и площадях города, что раздражало чешских граждан, и из-за чего возникали иногда конфликты с местным населением с применением оружия или захватом одного чехами. Которым не давало покоя появление наших военных на их улицах города со всевозможными свёртками и коробками в красивой чешской магазинной упаковке с бантиками наверху, добавляя масла в огонь. К слову будь сказано, для упаковки товара в Союзе в то время использовали бумажную грубую верёвку, газету или в лучшем случае коричневую толстовку, с которой, как по фильму «Москва слезам не верит», по словам одной из героинь этого фильма, сыгранной превосходно Муравьёвой, «в стране напряжёнка».

По просьбам местных властей патрульные солдаты вскоре стали нести службу без автоматов. Только у патрульных офицеров остались пистолеты в кобурах.

К концу декабря 1968 г. на территории гарнизона были построены два щитовых барака (как они по пьяни не сгорели за все 4 года моей службы, ума не приложу), и часть офицеров и сверхсрочников отселились в них. Я стал жить в одном из построенных барачков с 5-ю офицерами в одной комнате. Часть офицеров поселилась на освобождённой для нас чешской вилле, находившейся от гарнизона в трёх километрах. На вилле жил, в основном,

элитный командный состав всех частей гарнизона, представителей которого в большинстве привозили и увозили легковушки. Жили также официантки и буфетчицы и поварахи, работавшие в офицерской столовой. Все девчата были вольнонаёмными с Западной Украины. И почти их всех вскоре пришлось одних осудить по уголовным статьям, других просто отправить в Союз за различные правонарушения, - разврат, махинации с деньгами, откровенную спекуляцию и т.д. Ибо не каждая советская женщина, измученная дефицитом товаров первой необходимости, очередями и политзанятиями, могла противиться искушению и не хапнуть то, что плохо лежало для поправки своего совкового гардероба. Или не одолжить безвозвратно из подотчётной ей кассы буфета или магазина крупную сумму денег для себя или своего «жениха на предстоящую свадьбу» из числа начальствующих над ней офицеров, которые и не думали связывать свою жизнь брачными узами с этими простутками.

Организационная система полка была уже не той, что в Вильнюсе, где всё было условным, сокращённым и бумажным. Мне пришлось теперь служить в полку, в котором имелись три полнокровных дивизиона. В каждом из которых по три батареи по 60 человек. Да плюс ещё подразделения обслуживания полка: авторота (командир – капитан Сорокин Юрий Иванович), топовзвод (командир – капитан Кузнецов Геннадий), взвод связи (командир – старший лейтенант С., потом Пошелюжный), хозяйственный взвод (командир – сверхсрочник Донец), плюс мой взвод разведки. Да простит меня читатель, я здесь вспоминаю все имена и фамилии своих товарищей по службе и начальников так, как я их запомнил на сегодняшний день. К начальникам и командирам, к которым мы всегда обращались только официально: «товарищ полковник» или «товарищ подполковник», - мы никогда не обращались по имени и отчеству, поэтому их полные имена сегодня вспомнить довольно-таки трудно.

Всего в полку под ружьём имелось где-то 700 - 800 человек.

Конечно, работы сразу же навалилось очень много. Тяжело служить, имея в своём подчинении 18-ти – 20-тилетних ребят с их ещё детским мышлением и поведением, ибо до армии их воспитывали в школе и дома в основном одни только женщины. Поэтому пришлось столкнуться сразу же, впрочем, как и в Вильнюсе, с детьми с ещё не окрепшим по-мужски мышлением, наивными рассуждениями. И не поддающимся с точки зрения здравого смысла поведением в виде какого-нибудь по-детски капризного всплеска раздражительности или ничем не оправданного упрямства с отказом выполнить какой-либо приказ или распоряжение. Увольнений в город не было, как например, в Вильнюсе, поэтому таким упёртым солдатам терять было нечего, - «солдат спит, а служба идёт». И наказать такого нарушителя дисциплины практически было невозможно. Разве что «дембелем» в последнюю очередь. В этом случае солдаты-нарушители со слезами на глазах умоляли не откладывать их возвращение на гражданку на последний эшелон из ЦГВ. Я настаивал на своём решении, рискуя в то же

время иметь в своём взводе очередное громкое нарушение дисциплины в отместку от этого солдата с вызовом меня на ковёр к начальству и дальнейшими оргвыводами.

По сути, не имея никаких прав по наказанию нарушителей дисциплины, приходилось быть дипломатом и жёстким воспитателем, лавируя между начальством и подчинёнными, чтобы показать свою работу со взводом и хоть как-то своим авторитетом влиять на солдат. Справедливости ради надо сказать, что во взводе разведки нерадивых солдат было мало, и в основном ребята меня понимали и выполняли все мои распоряжения. Да, и по Дисциплинарному уставу у меня было не так уж и много прав по наказанию нарушителей: «замечание», «выговор», «строгий выговор», «наряды вне очереди» (только куда, на какие работы? ибо в служебные наряды я не имел право ставить солдат вне очереди; а если б даже и придумал какую-нибудь работу по рытью никому не нужного котлована или ямы, пришлось бы самому стоять всю ночь и контролировать работу, наказывая в первую очередь себя самого). А все эти официальные меры воздействия не имели никакого эффекта и давно уже устарели. И любые доклады наверх о случаях откровенного саботажа солдатами приказов и распоряжений начальством замалчивалось, ибо никто не хотел выносить сор из избы и назначать расследования. Все мечтали о повышении по службе, и лишняя головная боль никому не была нужна. Иногда замалчивались даже крупные кражи имущества военнослужащими с целью продажи его чехам или другие правонарушения. Со всеми этими явлениями в армии я сталкивался регулярно на протяжении всей своей службы. Поэтому я осторожно отношусь к сообщениям в СМИ о случаях рукоприкладства со стороны офицеров и прапорщиков в отношении солдат. Когда все сразу же становятся на сторону пострадавшего мальчика и льют ушаты грязи на командование части, в которой произошёл этот позорный случай. Каков народ, такова и армия, вся система воспитания которой строилась «в соответствии с самой передовой в мире идеологией, основанной на осознании каждым военнослужащим своего долга перед защитой Советской Родины. С её самым гуманным подходом ко всем своим гражданам». И когда до сих пор не решён вопрос о создании в армии военной полиции, которая бы взяла на себя функции соблюдения законности и правопорядка всеми военнослужащими в гарнизонах. Когда все поголовно равны и знают, что им ничего не будет за мелкие проступки и правонарушения, ибо ни один командир части не будет докладывать наверх о всех случаях с криминальным уклоном, чтобы не портить себе карьеру. И в результате – сплошные неповиновения, мелкие кражи и превращение всех гарнизонов в дурдомы с высокими стенами по периметру, где любое неповиновение и нарушение дисциплины часто больно наказывалось без инъекций и холодных душ, простым кулаком меж глаз. Иногда с трагическими последствиями для наказуемых и крушением карьеры для горе-воспитателей.

В общем, нервотрёпки хватало, и частенько стресс приходилось снимать искусственно в компаниях офицеров в каком-нибудь чешском ресторане за кружкой пива и «склянкой» водки. Иначе вообще можно было свихнуться. Ибо часто приходилось возвращаться к своей койке в общежитии поздно ночью после каких-нибудь работ или занятий и заставить у себя в «камере» дым коромыслом и за столом среди бутылок и стаканов своих товарищей за игрой в карты или поздним ужином. Поневоле хлопнешь тут же стакан водки, чтобы использовать её как снотворное и кое-как выспаться в таких отнюдь не уютных условиях.

К тому же видеть каждый день серую массу солдат и офицеров очень утомляет. Хочется сбежать куда-нибудь, отдохнуть от казармы, а куда сбежишь, куда денешься от всех этих проблем и неустроенности?!

Только в чешский ресторан (благо их во Френштате было в то время где-то целых 24 на 15 тысяч жителей города), в котором можно было отдохнуть и расслабиться по полной программе. Самым ближайшим к КПП нашего гарнизона был «Седлице», прозванный чехами «Мертволей» за соседство его с кладбищем, и «Сибирь» где-то в километре от части.

Кружка пива в то время в Чехословакии стоила 2 кроны (из минеральной воды типа «Праздрой» или «Наполеон» по 3,7 кроны, а на заводах и фабриках рабочим продавали пиво по 70 геллеров за пол-литровую бутылку), бутылка хорошей водки стоила в пределах 20 крон. Даже солдаты, получавшие 31 крону в месяц, тайком от начальства покупали фугасы креплёного вина по 8 крон за литровую бутылку, которое в офицерской среде называлось «Солдатским коньяком»; и довольно хорошо накачивали себя этим плодово-ягодным дурманом с курением сигарет типа «Дымок», «Гуцульские» или «Север» по 7 копеек за пачку, выдаваемых каждому солдату по 30 пачек в месяц бесплатно (тем, кто не курил, давали сахар, от которого некурящие отказывались в пользу своих курящих товарищей или отцов-командиров). У чехов самые дешёвые сигареты «Старки» стоили 4 кроны за пачку (40 копеек), поэтому они охотно покупали у наших военных всю нашу табачную, берущую при курении за душу дешёвку по очень выгодным для нашего брата ценам. Чем пользовались разного рода фарцовщики для побочных доходов. И вскоре выдача бесплатно офицерам сигарет типа «Орбита» или других по 40 копеек за пачку прекратилась. В лучшем случае нам стали выдавать какое-то время на учения в полевых условиях обыкновенную махру, для чего мы в срочном порядке закупили курительные трубки.

Часто в компании или одному мне приходилось возвращаться в полк с окраины города в военной форме поздно ночью, и никто на меня не нападал, хотя на пути встречались группы молодёжи и одиночные прохожие. Вообще, где-то с 7 часов вечера все улицы чешских городов становились безлюдными, и жизнь кипела только в многочисленных ресторанах и на вокзалах. А теперь тишина стала нарушаться воплями и песнями подвыпивших русских «вояков», бесцеремонно шатающихся по вечерам по

центральных улицам и площадям. Да и количество изнасилований местных чешек заметно прибавилось.

Чехи пытались нас понять, часто будь то в ресторанах или просто на улицах заговаривали с нами, спрашивали для чего мы сюда пришли и когда собираемся уходить обратно, ибо никакой «контры» здесь нет, и что нас просто ввели в заблуждение.

Сначала мы пытались оправдываться, прибегая к советским идеологемам тех времён о защите социалистических завоеваний в Чехословакии, о засилье у них капиталистической пропаганды в средствах массовой информации, о разгуле анархии в экономике и т.д. Сами прекрасно осознавая, что всё это не выдерживает никакой критики, что советские вооружённые силы в условиях отсутствия демократии и свободы слова, как во внутренней, так и во внешней политике в СССР, оккупировав братскую Чехословакию, выглядят не лучшим образом. И если до оккупации у чехов и словаков был шанс подняться до уровня жизни западноевропейских стран, то теперь, когда несвободные советские люди вновь сделали несвободными других, у этих других опять не стало никакого шанса поднять экономику своей страны до уровня свободного творчества западного мира.

Наверное, все эти метаморфозы в душе происходили отчасти потому, что в перерывах между всеми этими философскими дискуссиями, потягивая дешёвое пиво и употребляя другие горячительные напитки, которые по своей низкой цене и доступности нам и не снились у себя на родине. А также покупая у них в магазинах дешёвые и необходимые в быту вещи сами стали задаваться для себя вопросом: а имеет ли право Советский Союз с показухой и враньём во всём учить жить других?

В своих серых кавалерийских шинелях почти до пят и сапогах мы явно не вписывались в городскую цивилизацию и отовсюду слышали, что мы оккупанты, и чтобы мы поскорее убирались восвояси.

Оставляя же свои синтетическо-меховые шапки на вешалках ресторанов, мы часто оставались без оных. Ибо у чехов эти шапки были в новинку и многие считали за честь своровать для себя этот форменный головной убор русских с ресторанных вешалок и выставить его затем на обозрение в школе, институте или ещё где-нибудь как «шапку оккупанта». Приходилось эти шапки брать с собой в зал и хранить на коленях. Купив же гражданскую одежду, мы старались появляться в городе по вечерам уже в гражданском одеянии. Но всё равно часто сыпались оскорбления в наш адрес, и приходилось делать вид, что все эти словесные выпады нас не касаются. Доступны нашему карману были и валютные рестораны, например, такие, как «Вльчина», «Колиба» и др., расположенные на живописных горах, с кабинами для проституток, куда мы также часто похаживали. И в которых часто приходилось искать своих пропавших внезапно товарищей, бесцеремонно нарушая покой чешских жриц любви в ожидании клиентов или уже за работой.

Причём, лишний раз приходилось обижаться за свою страну, что в этих валютных ресторанах советские червонцы, в которых, как нам объясняли политработники, содержался номинальный один грамм золота, не имел никакого спроса в противовес долларам США, фунтам стерлингов Англии или другим западноевропейским денежным знакам, охотно принимаемым служащими этих отелей. Даже б...и воротили носы от наших купюр с изображением Ленина. Поэтому за всё приходилось расплачиваться чешскими кронами.

Все эти ресторанные застолья проходили не всегда спокойно и в обстановке дружбы. Часто споры по политическим вопросам перерастали в драки с мордобитием. Особенно во время телевизионных просмотров в ресторанах хоккейных встреч на чемпионатах мира, когда уже азартные страсти болельщиков за свои национальные команды накалялись до предела и взрывались при малейшей искре в виде какого-нибудь неудачно сказанного слова. В ход шли кулаки, стулья и пивные кружки. А на следующий день шёл разбор драки с вызовом на ковёр всех участников спортивной разборки. В которую иногда вовлекались и солдаты по вызову офицеров. Потом все эти ресторанные разговоры о политике вскоре порядком надоели, и мы уже стали откровенно выражать недовольство всей этой пустой болтовнёй, всё меньше и меньше веря в правоту слов политработников, столкнувшись, с другой обеспеченной всем необходимым жизнью, которую пытались изменить наши руководители страны по своим провинциальным меркам. И используя при этом нас как покорную и безропотную вооружённую массу. А мы удивлялись также, что даже с вводом наших войск в ЧССР не прекратила своё существование разнопартийная политическая система, пусть и объединённая в Национальный фронт и существовавшая, хоть и в урезанном с февраля 1969 г, но всё же в демократическом виде. Не в пример СССР, где власть и единство страны с октябрьского переворота 1917 года укреплялись в условиях отсутствия свободных институтов власти, не имеющих возможности, по словам британского писателя и публициста Джорджа Оруэлла, сказать людям, что «дважды два – четыре». Ведь как ни крути, но именно либеральные идеи побеждают во всём мире. В противном случае все мы до сих пор бы жили во времена охоты на ведьм или святой инквизиции. Ни одна из форм жизни не способна существовать на основе принудительного равенства, о котором нам каждый день вещают политработники, объясняя повальную бедность в СССР высокой духовностью его граждан. Пренебрегая тем фактом, что «эволюция всегда строилась на принципах свободного развития индивида – каждого на свой манер, о чём вся история развития человека и природы свидетельствуют об этом беспрестанно» и о чём писал ещё английский писатель Джон Роберт Фаулз, живший в 20-ом веке.

А здесь, как не крути, но мы чехам и словакам навязываем свой, азиатский тип развития с малоэффективной системой хозяйствования по формуле «здесь всё принадлежит хану». Когда в обществе доминируют не сильнейшие

и умнейшие, а подлейшие и наглейшие, экономикой и страной в целом управляют не хозяйственники и деловые люди, а номенклатура во главе с диктатором. А это прямиком ведёт к усилению эксплуатации человека человеком по сравнению с капитализмом во сто крат. Ибо вместо социализма (такого, например, как в странах Запада) мы имеем на сегодняшний день политаризм (от греческого «политея» - государство), известный ещё с седой древности и существовавший не только в Азии, но и в древней Европе, доколумбовой Америке, Африке и Океании с его владением сообща орудиями лова и охоты, всех средств производства, огосударствлением всех сфер жизни и в конечном итоге тщетными попытками сдерживания недовольства людей и аппетитов чиновников путём госплана, социальных программ бесплатного жилья, образования, здравоохранения, видимости общественного контроля за расходованием бюджетных средств и т.д, не за прибыль от экспорта произведённых товаров и сельхозпродуктов, а за счёт продажи за рубеж своих природных богатств и полезных ископаемых. Когда вся сила власти сосредоточена в руках шариковых и швондеров, думающих только о своей карьере и сохранении за собой хлебных должностей мы можем сталкиваться только со скотским отношением к людям труда и науки и друг с другом. При этом ни о какой свободе творчества с его разнообразием и изобилием спросов и предложений не может быть и речи.

Одним из таких проявлений свободы на фронте идеологической борьбы двух систем я считаю свободу в живописи, которая стала одной из составных частей массмедиа, когда со всех страниц многочисленных чешских журналов и даже газет на нас смотрели голые женщины всех калибров и мастей, всеми своими гениталиями сражая молодых и пожилых представителей офицерского корпуса наповал, заменяя любые пушки, бомбы, красивые коммунистические лозунги и красноречие политработников.

В магазинах и киосках продавалась и крутая порнуха, так называемые «акты», безжалостно отбираемые нашими таможенниками на границе вкупе с безобидными картинками раздетых всего лишь по пояс женщин. А вместе с ними под горячую руку попадали и открытки картин Огюста Ренуара, Рембрандта, Рубенса и др. художников, изображавших на знаменитых полотнах обнажённую натуру, вид которой своей излишней откровенностью, рождающей в душе чувство прекрасного, служил делу развития искусства. И такое запретное пуританское отношение к естеству природы отнюдь не способствовало вдохновению в творчестве художников и поэтов и не могло никак работать во благо любви к своей родине и её процветанию. В которой, как ни в какой другой стране мира, по словам уругвайского журналиста и писателя Эдуардо Галеано, «похороны важнее покойника, свадьба важнее любви, внешность ценнее ума». И всё это «в культуре упаковки, презирающей содержимое».

Вспоминается один исторический факт, когда итальянские архитекторы 16 века, построившие Московский Кремль и в нём соборы, выставили как-то на Красной площади скульптуры обнажённых женских тел. Москвичи того времени, не искушённые в вопросах итальянской живописи, часами простаивали возле этих скульптур, скаля зубы и отпуская сальные шуточки в их сторону. Пришлось после «праведного гнева духовенства и бояр» все эти изваяния убрать, ибо отвлекали людей от повседневных дел и молитв. А по вопросу таможенных строгостей недаром в ту пору ходила шутка-вопрос:

- с чего начинается Родина?

Ответ:

- с проверки чемодана.

А разрешение – провозить в Чехословакию только до 20 рублей денег у всех вызывало лишь улыбку. Нашими деньгами чехи интересовались лишь тогда, когда кто-нибудь из их знакомых или родственников уезжал в туристическую поездку в СССР или в командировку. Но такие чехи встречались крайне редко.

Между прочим, ту же самую тактику, с которой мы встретились в Чехословакии, успешно использовали и душманы в 70-х – 80-х годах прошлого века. Когда наши войска вошли в Афганистан и вели в нём боевые действия во всех мусульманских дуканах наравне с японскими, западноевропейскими и американскими часами, радиоаппаратурой, магнитофонами, вкуче с другими многочисленными товарами «загнивающего капитализма». При виде которых кружились головы всех советских военных и особенно женщин-контрактников, продавались и те же самые картинки с порнографией и даже с откровенными постельными сценами. Я сомневаюсь, что подобный товар находил спрос у простых афганцев, жёны которых с головы до ног были укутаны материей. Значит, предназначен он был только для наших военнослужащих. Сразу же разбежавшихся по своим республикам после вывода войск из Афганистана и развала СССР в 1991 году. Без матросов железняковых, броненосцев потёмкиных, лейтенантов шмидтов и других героев революции начала 20-го века, которым и не снились, наверное, никогда подобные вольности в фотоискусстве. Поневоле вспомнишь слова актрисы Фаины Раневской: «Красота – страшная сила!». А что ещё красивее молодого женского тела существует на свете! Да ещё в глазах голодных до женской ласки мужиков! Ведь «страсть в паспорт не смотрит!», когда за пределами части видишь молодых красивых славянок!

Казарма, как я уже писал, в которой поселили взвода: разведки, связи и топовзвод, - нуждалась в ремонте, во время дождя протекала крыша. Отопление было печным, и надо было где-то добывать уголь, и следить, чтобы весь взвод не угорел ночью. Вещевое имущество солдат хранилось в сырой каптёрке и частично оказалось сгнившим от сырости и плесени.

Всё имело жалкий и убогий вид, всё нужно было латать, ремонтировать, красить.

В общем, нервотрёпки хватало, и часто приходилось получать нагоняи от своего непосредственного начальника – майора Бардического, заместителя начальника штаба полка и исполнявшего должность начальника разведки полка. Как мы его называли, «старого оккупанта», ибо он в 1956 г. находился в составе советских войск, участвовавших в подавлении Венгерского восстания.

Когда мы с ним заходили в какой-нибудь чешский ресторан, чтобы выпить пива, наступала тишина и все чехи от изумления открывали рты, пожирая глазами моего шефа, ибо при солидном росте Леонид Борисович ещё имел и внушительную комплекцию где-то под 150 килограмм живого веса.

Мой же непосредственный начальник разведки полка майор Шкабарня в это время находился на излечении. За несколько встреч с ним по делам службы он мне запомнился как крайне несдержанным, не подбиравшим слова и выражения при распекании кого-либо, вспыльчивым по поводу и без повода офицером и, наверное, поэтому после выхода из госпиталя его как требовательного офицера поставили комендантом Френштатского гарнизона. И свои обязанности он исполнял ревностно, прогоняя всех военных из кабаков, которые тут же шли в другие пивные места города. Иногда эта процедура повторялась по несколько раз за вечер.

Помню, Шкабарня, выросший до майорского звания из сверхсрочников, не уставал повторять, что «как бы чехи не выкручивались, а он обязательно найдёт в городе подпольную радиостанцию или склад с оружием». Уж очень ему хотелось заслужить орден на грудь. Как вскоре оказалось, он страдал неизлечимой болезнью рака лёгких и где-то в 1970 г. умер во Львовском госпитале. Его должность начальника разведки занял командир батареи, 34-летний капитан Воробьёв Вадим Николаевич. С которым мне пришлось прослужить несколько месяцев до его назначения на должность командира 1-го дивизиона. Вместо ушедшего тоже на повышение в корпус подполковника Япринцева.

Как-то после посещения ресторана «Пршеров» в центре города я познакомился с 17-летней девушкой Боженой Халуповой, которая пришла в ресторан за своей мамой пани тоже Боженой, работавшей кухаркой в ресторане. Божена владела азами русского языка, и мы с ней сблизились, встречаясь у разрушенной часовни кладбища, располагавшегося недалеко от нашего КПП. На этом кладбище у неё был похоронен отец Милан Халупов, остатки которого её мать пани Божена перенесла на другое кладбище города после того, как в 1971 г оно было закрыто. Были перенесены также за счёт Мэрии и останки советского лейтенанта Рожкова, погибшего здесь в 1945 г. Причём, всегда у его могилы я видел чистоту, цветы и свечи по церковным праздникам, несмотря на нашу оккупацию и враждебное к нам отношение чехов.

Вскоре я стал вхож в их 2-хкомнатную квартиру, располагавшуюся также недалеко от нашей части в панельном доме. Так я познакомился с её родителями: матерью - пани Боженной и отчимом шахтёром Лукашом Шмондрком, а также с сёстрами Миленой и Иреной и братом Лубошом, которые все были моложе Божены на несколько лет. Встречи с ней явились для меня большой отдушиной, ибо от казармы с её порядками, нравами и бардаком можно было сойти с ума или спиться. К тому же я старался придерживаться правила «Если хочешь понять жизнь, то перестань верить тому, что говорят и пишут, а наблюдай и чувствуй». Вскоре, как оказалось, вот эта самая чувственность погубила всю мою карьеру и отправила в Среднюю Азию на долгие 16 лет.

В феврале 1969 года меня отправили в отпуск, и я на целых 50 дней расстался с Боженной и её семьёй.

В отпуск в поезде «Прага-Москва» в одном купе ехал с Леандром Петровичем Кузнецовым, лейтенантом, у которого я в декабре 1968 года принял взвод разведки полка. Я ехал в родную Москву, он – к себе на родину в Новочеркасск, - и по пути Леандр Петрович по моему предложению на несколько дней остановился у меня дома на Севастопольском проспекте, где жили моя мама, сводная сестра Эльвина и её сын, мой племянник Коля Озеров.

С моей мамой, в прошлом донской дворянкой, он быстро нашёл общий язык, ибо мама до революции училась в Новочеркасском институте благородных девиц и хорошо знала Новочеркасск. Я ему в отпуске немного показал Москву. Посетили мы с ним Новодевичье кладбище и, помню, что он был очень рад увидеть могилу маршала Рыбалко, в армии которого в годы ВОВ служил его отец.

А затем мы немного посидели в кафе «Улыбка», что возле Новодевичьего монастыря.

После возвращения в полк мы мало общались. Он ушёл куда-то на повышение и знаю, что его как перспективного офицера продвигал по службе наш бывший командир полка полковник Палаткин, ставший в 1969 году начальником РВиА нашей 31-й танковой дивизии.

Уже много позже с приходом в жизнь Интернета, узнал, что Леандр Петрович принадлежал к семье потомственных священнослужителей. В 1967 году окончил Тбилисское артиллерийское училище, связав свою судьбу с Вооружёнными Силами. После окончания в 1974 году Военно-артиллерийской академии служил в Сибири на штабных и командных должностях. В 1984 – 1986 годах исполнял интернациональный долг в Афганистане в качестве советника начальника артиллерии 12-й пехотной дивизии в городе Гордесе провинции Пактия, что в 200-ах километрах на юго-восток от Кабула. В 1986 – 1992 годах он преподавал в Военной академии имени Фрунзе в Москве, защитил кандидатскую диссертацию. С 1994 года возглавлял редакцию журнала «Военная мысль». А в 1996 году полковник Кузнецов в возрасте 50 лет уволился в запас, вернувшись в

Новочеркасск, поступил певчим в церковный хор и в 1999 году окончил Ростовское духовное училище.

Служил затем протоиреем в Храме во имя Святого Архистратига Божия Михаила, г. Новочеркаска. В 2014-ом году полковник в отставке, кандидат военных наук Кузнецов Л.П. трудился в управлении Южного военного округа в должности помощника начальника отделения по работе с верующими военнослужащими в Ростове-на-Дону.

Вот такая интересная судьба моего сослуживца, который, отказавшись от московских привилегий после долгой службы в армии, посвятил себя служению Богу, за что можно только уважать этого человека и гордиться знакомством с ним в прошлом.

В отпуске, имея уже возраст 24 года, я решил жениться на дочери старых друзей моей мамы Алёне Макаровой, балерине ГАБТа, (не какой-нибудь ресторанной пузотряске, а балерине из самого престижного в стране Большого театра) отец которой Борис Исакович Борисов был довольно широко известен в артистических кругах Москвы и театров как опытный постановщик танцев. И жили они, Алёна, её отец и мать в элитном доме № 25 по улице Горького в 4-хкомнатной квартире. Старшая сестра Алёны, Лариса Дмитриева являлась в то время лучшей Мерседес в балете Минкуса «Дон Кихот» на сцене Большого театра и была превосходна в танце. Исполняла сольные номера: Терезы («Пламя Парижа»), в лезгинке (оперы «Демон» Рубинштейна), в венгерском танце и мазурке («Лебединое озеро») и др. К тому же была душевнее, умнее, красивее и опытнее Алёны.

Моё внезапное желание жениться было вызвано тем обстоятельством, что уж очень захотелось семейной жизни, продолжения рода, покоя и уюта в доме. К тому же живы были ещё друзья моего отца, которые могли мне помочь с переводом в Москву на какую-нибудь спокойную работу по примеру моего брата Стаса, подполковника, отиравшего штаны в полувоенной конторе с нормированным рабочим днём, выходными и свободными праздничными днями. Не ведая тогда, что с женитьбой на полуеврейке отгородился от друзей отца незримым барьером и перспективами в военной службе.

Моя мама и её родители были не против. И я до сих пор не могу понять тот свой безрассудный порыв с желанием жениться во что бы то ни стало на избалованной до предела москвичке, привлекающей внимание лишь молодостью и свежестью тела, семейная жизнь с которой не сулила мне ничего хорошего, кроме неприятностей. Вскоре брак был оформлен по всем правилам через ЗАГС. А благодаря тому, что я являлся военнослужащим, нам сократили до минимума период проверки своих чувств. Свадьбу сыграли на ул. Горького, и я уезжал в Чехословакию с твёрдым намерением прекратить всякие отношения с Боженной. О чём я ей тут же сообщил по приезде. Она немного поплакала, но скоро смирилась и прекратила искать меня по кабакам или поджидать у КПП, умоляя продолжить встречи.

Дни шли за днями, мужское естество брало своё, писем от своей жены, и так не частых и сухих по содержанию, становилось всё меньше. Зная при этом, что она много времени проводит в гастрольных поездках за рубежом, выступая на сценах Англии, США, Франции и т.д. И в какую-то там Чехословакию даже на время своего отпуска вряд ли согласится приехать. И я опять возобновил встречи с Боженой уже у неё дома и уже с ночёвками, при согласии её матери и отчима. Как они со всеми детьми при этом размещались в одной комнате – до сих пор не могу понять. Мне с ней всегда было очень хорошо, ибо русский язык она освоила прекрасно, и мы с ней могли часами говорить о чём угодно. Я буквально болел, если её не было со мной рядом. А если случались учения с выездом на Либавский полигон, то места себе не находил, не спал по ночам, терял аппетит и вес. Это было какое-то сумасшествие! Возвращаясь во Френштат, я, приведя себя немного в порядок, тут же шёл к Божене, и всё моё свободное время было посвящено ей.

В связи с женитьбой на Алёне командованием части мне был предоставлен дополнительный отпуск в 15 дней в конце 1969 г. Думал наладить отношения с Алёной, привезя много разных подарков ей и её родителям. Борис Исакович и Анна Фёдоровна встретили меня очень хорошо, а вот от самой Алёны, вернувшейся чуть позже из театра, сразу повеяло холодом, упрёками, что я ей привёз одно г..., и что ей надоело быть «соломенной вдовой» и мне надо срочно искать способы перевода в Москву.

Пришлось утром отправляться домой к маме на Севастопольский проспект под громкий скандал жены и выступившей в мою защиты тёщи Анны Фёдоровны. Пытавшейся урезонить свою дочь, шипевшую, как змея, со злости и даже ущипнувшую свою мать перед тем, как уйти на работу. Поблагодарив меня на прощание за бессонно проведённую ночь.

Видимо, хорошо отдохнув и восстановив своё душевное равновесие под воздействием родителей, Алёна мне вскоре позвонила, и я был водворён на место и брачное ложе на улицу Горького. Но что-то в моей голове после этого скандала щёлкнуло, что-то повернулось задом, пошли сравнения и обобщения не в пользу жены, от которой в дальнейшем я так и не получал взаимности, постепенно отвыкая от неё. И, хоть расставались мы с ней довольно мирно и тепло, оставшийся в душе осадок не давал покоя. И заставлял всё больше и больше возвращаться мыслями к чешке, отнюдь не красавице, и без всякого образования, но в меру сообразительной, с чувством юмора, не такой капризной, как Алёна, и умной от природы. И которая какой-то дьявольской силой и загадочным теплом притягивала к себе, заставляя постоянно думать о ней, по которой я изрядно уже соскучился и ждал с нетерпением встречи под мерный стук колёс поезда «Прага – Москва» с остановкой в Оломоуце. Чтобы уже из него на чешских поездах с детства знакомыми дымящимися из больших труб паровозиками добираться с пересадками до Френштата. Везя уже ей и её родным втайне от Алёны, якобы для передачи друзьям-офицерам, разные безделушки из Москвы в виде

какого-нибудь фотоаппарата, транзисторного приёмника, часов, матрёшек, кукол-неваляшек, консервных банок с килькамипряного посола или ещё чего-нибудь, чего не было у чехов в продаже.

И чтобы именно её телом, а не каким-либо другим, пусть хоть первой красавицы мира, насладиться уже до конца, до полного изнеможения и одурения, имея в запасе двое суток оставшегося отпуска.

Оставляю пока это лирическое отступление из-за которого я утратил связь с реальностью, окончательно запутался в своих служебных, семейных и любовных делах, не представляя даже своего ближайшего будущего. И перейду к основной части своего повествования о службе в ЧССР, оставившей о себе только приятные воспоминания. А с моей чешской дочерью и внуками в далёком теперь уже по времени и месту зарубежье глубокий след в душе незаживающей раной после вполне искренней любви к Божене как «высшего взлёта души человеческой». Очертя голову и не задумываясь о последствиях. Но ведь на то они и раны, чтобы лучше помнить своё авантюрное прошлое.

Увольнений в город для солдат не было, но я иногда брал с собой несколько человек в качестве поощрения якобы для закупки канцелярских принадлежностей для взвода. И во время этих прогулок по центральным улицам и площадям Френштата солдаты могли уже ближе рассмотреть готическую архитектуру города, чехов и чешек, витрины магазинов и суету центральных улиц и площади. Они даже могли себе позволить покупать в магазинах разную мелочь в виде дешёвых блокнотов с бумагой отличного качества. Знаменитых чешских ластиков, не оставлявших чёрные грифельные следы на бумаге, авторучек с разноцветной пастой, зажигалок, стеклорезов, измерительных рулеток и др. Всё то, чего и в помине не было в Союзе, а если и было, то очень низкого качества или за большую переплату из-под полы. Здесь же всё это имелось в продаже в большом ассортименте и по ценам, доступным даже для солдатского жалованья в 31 крону.

Несмотря на большой наплыв младших офицеров в начале декабря 1968 г, командиров взводов всё равно не хватало. И на их место ставили сержантов, которым командир дивизии генерал-майор Соколенко, сменивший генерал-майора Юркова, приказал выдать портупей с ремнями, чтобы они хоть таким образом чем-то выделялись среди солдат, несмотря даже на такое явное нарушение установленной для всех категорий военнослужащих формы одежды.

Но то ли сержанты не хотели надевать на себя это «ярмо, от которого пахло 25-летней службой», то ли не нашлось для них ремней с портупеями, приказ этот не был выполнен. Никто из сержантов не желал выделяться в общей солдатской массе, надев на себя что-либо лишнее. Это же касалось и ефрейторских лычек для солдат, свидетельствовавших о возможном стукачестве или просто лояльности к офицерам и желании выслужиться любой ценой.

Так где-то с 1968 года вычислители, наводчики, старшие радиотелефонисты и т.д. или просто отличники боевой и политической подготовки фактически остались без звания старшего солдата или матроса из-за непрестижности звания ефрейтора в солдатской среде. Никто не носил по одной лычки на погон и дело доходило до курьёзов, когда одному и тому же солдату повторно присваивалось звание ефрейтора. Солдаты над такими смеялись и называли их «дважды ефрейторами».

Сержанты тоже где-то с этого времени, после перехода в 1967 году к 2-хгодичной службе, перестали гордиться лычками на погонах, больше позируя с ними для фотографирования на дембельские фотоальбомы или для триумфального приезда домой с офицерскими аксельбантами, окантованными белым кабелем погонами и сапогами со шнурками и кисточками. К тому же они перестали отличаться от солдат своими знаниями, своим поведением и отношением к службе. Все свои обязанности непосредственные солдатские командиры стали выполнять без бывшего энтузиазма, формально и спустя рукава по принципу: «будем копать яму сегодня от сих и до обеда», соединяя таким образом то, над чем учёные долго ломают головы, - пространство и время.

Из-за нехватки командиров взводов я за всю свою службу не видел ни одного случая, чтобы кого-либо со званием лейтенанта или старшего лейтенанта уволили из армии «за дискредитацию звания офицера». В самом крайнем случае явных уклонистов и редко появлявшихся на службе молодых офицеров отправляли во внутрисоюзные округа. Помню, что однажды уволили капитана Луки за его частые загулы. Но, набрав выслугу в 20 лет, он увольнялся на 30-процентную пенсию в размере 70 рублей, что в то время для 40-летнего мужчины было очень даже хорошо. Как говорится, «на хлеб уже есть, а на масло всегда можно заработать», устроившись куда-нибудь сторожем у магазина «Политическая литература», или летом охранять лыжную базу, а зимой лодочную станцию. Тем не менее, сидя со мной за одним столиком нашего буфета, отмечая своё увольнение и, видя, как из его глаз бегут слёзы, я недоумевал: радоваться надо, что скоро станешь свободным от муштры, полевых занятий, нарядов, бытовой неустроенности и в целом опостылевшей службы, увидишь скоро свою родную Одессу, синее море, а тут – слёзы. Лишь много лет спустя я понял своего товарища, прослужившего многолетнюю тяжёлую службу, потерявшего на ней свою молодость и здоровье, и которому до полной 50-процентной пенсии в 130-140 рублей оставалось всего два года. Ведь он мог бы по примеру служившего с нами капитана Лесюткина, 40-летнего командира батареи, нашедшего для себя в Оломоуцком госпитале майорскую должность начальника АХО и оставшегося служить до полного набора выслуги лет, тоже где-нибудь подыскать себе должность. Правда, кто его, выпивоху, взял бы на эту должность? Но тогда я был молодым, не считавшим денег, грезившим гражданкой, не понимал своего товарища, уезжавшего на свою родину, и даже очень завидовал ему.

После переселения в барак я поселился в комнате, в которой со мной жили командир взвода связи старший лейтенант Садовой и командир огневого взвода лейтенант Федорюк. Однажды после получки я с ними отправился в ресторан, на следующий день после посещения которого проснулся без часов на руке и 1900 крон в кармане. Я не особо переживал пропажу денег, ибо питанием был обеспечен и ровно через месяц должен был получить точно такую же получку. К тому же приобрёл дополнительный опыт общения с офицерами, а это дорогого стоит.

Никого из своих собутыльников я не подозревал в воровстве, но в дальнейшем один случай заставил меня задуматься.

Старший лейтенант Садовой отправился с повышением на должность начальника связи ракетного дивизиона, а на его место к нам в полк прибыл лейтенант Пошелюжный, поселившийся с нами в бараке.

Однажды у Пошелюжного пропал фотоаппарат, и он, имея на руках его паспорт, обратился за помощью к начальнику особого отдела полка старшему лейтенанту Бороздину, сообщив, кого он подозревает в воровстве. Тот согласился помочь, разыграв сцену перед Садовым, что ему, мол, для срочной оперативной работы понадобился фотоаппарат и, зная со слов его товарищей, что у него он есть, просил одолжить на время. Садовой сначала отнекивался, утверждая, что никакого фотоаппарата у него нет, но настойчивость Бороздина была вознаграждена, и на свет появилась украденная у Пошелюжного вещь. Воровство было раскрыто, дело замяли и тихо-тихо С. отправили в Оломоуц в мотострелковый полк на равноценную должность.

В 1979 во время учений 108-й дивизии Туркестанского военного округа, в котором я проходил службу, под Термезом и перед самым вводом этой дивизии в Афганистан, я встретил этого С. уже в звании майора, занимавшего должность начальника связи дивизии. Он пообещал после учений найти меня и обязательно отметить встречу – ведь нам было о чём поговорить и что вспомнить. Однако, воспоминания о прошлом или занятость по службе, видимо, помешали ему в этом благом деле, и больше я его уже не встречал на своём пути. Не исключено, что после Афгана он стал полковником или даже генералом, ибо знал его, как довольно расчётливого и умевшего пустить пыль в глаза начальству офицера.

На воровстве денег попался и командир батареи капитан Ратников. Его тоже без лишнего шума отправили в Союз на равноценную должность.

Запомнились совместные с чехами вечера, так называемые «схузы», на которых мы то ли у нас в части, то ли у них на предприятиях отдыхали за бутылками с горячительными напитками и под солдатский оркестр с танцами, если вечер происходил в нашем гарнизоне. Видимо, такие совместные застолья поощрялись на самом верху для укрепления дружбы и взаимопонимания.

После февральско-мартовского отпуска 1969 г. я поселился уже в другой комнате барака. В котором со мной проживали лейтенант Кобылинский (я с

ним после службы в ЦГВ встретился в командировке в 1975 г в Мулино Горьковской области, где он в учебной дивизии служил в должности командира дивизиона) и старший лейтенант Худяков Жора. Явившийся для меня довольно интересным субъектом для изучения на протяжении всей моей службы в Чехословакии. Ибо все человеческие качества крайнего примитивизма у него были ярко выражены, как в поведении, так и в общении с офицерами и солдатами.

Родившийся где-то на Алтае и выросший в армии до старшего лейтенанта из сверхсрочников он в свои 35 лет являл собой яркий образец бытового алкоголика и дебошира с мелко дрожащими на трезвую голову похмельными руками. С ним невозможно было вести нормальную беседу и тем более застольную. Выпив чуть-чуть, он становился болтливым до невозможности, неся всё время какую-то чушь типа, что скоро к нему приедут жена и дочь и что будет хорошо, если я стану ухаживать за его женой или дочерью и т.д. Как офицер-артиллерист он был абсолютно безграмотным, и после учений про него ходили анекдоты. И тем не менее начальство его ценило, ибо своими байскими азиатскими замашками (у него имелись на лице явные азиатские черты лица с узким разрезом глаз) сводил с ума всех солдат своей батареи. При этом сам командир батареи старший лейтенант Коваленко при таком старшем офицере батареи мог отдыхать в свободное от стрельб время. Приказания постелить, разогреть, постричь, подлатать так и сыпались от этого кристально-солнечного дебила солдатам, и за малейшую неточность или нерасторопность тут же следовал удар по лицу или ногой в пах. В одной комнате с ним жить было очень тяжело, ибо он мог высморкаться под кровать, отправляясь в отпуск, взять любую чужую вещь. Воровал всё, что плохо лежало. А на замечания мог достать здоровый охотничий нож и, размахивая им направо и налево, угрожать немедленной расправой. Именно такие офицеры и ценились в армии по принципу «чем больше в армии дубов, тем крепче наша оборона». Ибо вся система армейского строительства опиралась на таких «требовательных» воспитателей в погонах с крепкими кулаками и слабыми мозгами. И я не удивился, когда вместо переведённого в Союз начальника строевой части полка капитана Рудковского, поставили Жору. Вечером я его видел в каком-нибудь ресторане в стельку пьяным, но утром, хоть и с мелко дрожащими руками, но он уже на работе и часто с кулаком-тычком возле носа солдата-делопроизводителя. Ибо любому начальству неважно, что он вытворяет в быту и за дверями начальствующего кабинета, главное – результат работы.

Точно так же в полку пользовался репутацией требовательного и исполнительного офицера майор Гутник, от которого все его подчинённые слышали одни только перлы от мата, который в русском языке что «борщ без томата». Где нужно было поставить офицера над солдатами при производстве каких-либо срочных строительных работ, майор Гутник, как никто другой, подходил для этой роли. В солдат с утра до вечера вместе со словами из ненормативной лексики летели камни, доски, вёдра, и они

безропотно выполняли все работы. Наверное, это именно тот случай, когда банальная нецензурщина материализовывалась в конкретные кирпичные и бетонные сооружения.

Как на службе, так и в быту приходилось неоднократно видеть Гутника в непотребном виде, буянившим и часто дерущимся с начальником автослужбы полка майором Кузьминым, - чем-то они друг другу не понравились с самого начала. Гутник был евреем и часто из уст Кузьмина срывались антисемитские бранные слова. И, выпив, начинали сводить счёты. Причём, во всех кулачных боях верх одерживал Кузьмин.

Кузьмин так же, как и Гутник, страдал большими проблемами с алкоголем и безбожно наказывал солдат кулаками. И вскоре так же, как и Гутник, ушёл куда-то на повышение. А в полку он вырос с заместителя начальника автослужбы до начальника автослужбы, которую занимал до него майор Осипов, ушедший на должность начальника автослужбы дивизии в Брюнталь.

Поневоле задумаешься, а может с советским человеком иначе нельзя? Наверное, не зря в России и СССР существовало крепостное право аж до 1964 г. До разрешения Хрущёвым иметь колхозникам паспорта, и бросившего на 22-ом съезде КПСС в 1961 г. свою знаменитую фразу: «Битиё определяет сознание». Наверное, только кулаком в морду или ногой в живот солдата, как и рабочего или колхозника, только так можно заставить нормально служить или работать? И если каменные и деревянные заборы и строения в городах и сёлах России, покосившиеся и чёрные от дождей и снега по сравнению с другими городами и сёлами Чехословакии наглядно убеждали нас в деловой организации и трудолюбии одних и глубокой лени других, то можно прийти к неутешительному выводу, что все меры воздействия на сознание советских жителей, трудовые коллективы которых на 30% состояли из неисправимых бездельников, исчерпали себя, и пора менять всю систему хозяйствования и службы в армии, сделав упор на хорошо оплачиваемую службу, результативный талант, трудолюбие и предпринимательскую самодостаточность. Нужно сделать так, чтобы на руководящие должности приходили не дебилы и холуи, а умные, честные и решительные люди. От азиатской системы хозяйствования, когда средства производства никому не принадлежат, из-за чего эксплуатация человека человеком по сравнению с капитализмом во сто крат нещаднее, нужно смело переходить к частной собственности на средства производства. Ибо если при капитализме (а ничего лучшего пока человечеством не изобретено) мы видим «звериный оскал империализма), то при нашем политаристском социализме мы видим его скотское отношение друг к другу.

А пока от отчаяния и невозможности заставить своих подчинённых нормально выполнять служебные обязанности, уволиться офицеру по его желанию из армии, перевестись из губящего здоровье своё и своей семьи округа с тяжёлыми погодными условиями в умеренные климатические зоны страны приходилось часто беспробудно заливать тоску водкой, зная, что ты

для государства подлого звания человек и ничего тебе не светит по всем твоим ходатайствам о переводе и увольнении на гражданку за невыходы на службу. Всё это на фоне последнего оплота крепостной зависимости в стране «победившего социализма» и «в самой сильной на планете армии», являлось обычным явлением. Что, конечно же негативно сказывалось на общем морально-психологическом состоянии подразделений и частей, военнослужащие которых отбывали воинскую повинность, как крепостные в царской России барщину или 25-летнюю солдатчину со шпицрутенами, зуботычинами, рукоприкладством и трёхэтажным матом, ибо насилие не может сидеть на одной полке с правдой. Никакая политработа здесь уже не помогала. Я своими глазами видел солдат-разгильдяев, дерзостью отвечавших на любые замечания своих командиров и начальников, но когда они попадали в подразделения к офицерам-максималистам, менялись до неузнаваемости и, как роботы, молча и в срок выполняли любые приказания, боясь очутиться в глубоком нокауте. Как будто всю свою жизнь они только и мечтали о таком соревновании друг с другом в послушании и исполнительности. Главное в этом деле воспитателю-офицеру не переборщить, уметь ответить, если на тебя кто-нибудь от отчаяния бросится с лопатой или топором. Не сделать служивого инвалидом или вообще не отправить кого-нибудь на тот свет с долгосрочной для себя каторгой. А такие случаи с печальными последствиями силовой системы принуждения, как и казарменной дедовщины, производной от этого явления, увы, довольно часто случались в армии. Но, кто не рискует, тот не пьёт шампанское. Победителей не судят, и за такое кулачное усердие можно даже очень хорошо продвинуться по службе, ибо именно таких ретивых командиров начальство ценило и покрывало любые выявленные в подразделении издевательства над солдатами, любое насилие, ЧП или даже самоубийство какого-нибудь хлюпика, а равно и автомобильную аварию с человеческими жертвами. Что в конечном итоге работало на развал армии и всей страны в целом. Поэтому рассуждая о месте русских и россиян в семье всех народов мира, обобщая всё увиденное в армии в контексте «Пражской весны» и ввода советских войск в Чехословакию в августе 1968 года приходят на ум слова писателя Максима Горького, написанные им ещё в марте 1918 года: «...И вот этот маломощный, темный, органически склонный к анархизму народ ныне призывается быть духовным водителем мира, Мессией Европы. Казалось бы, что эта курьезная и сентиментальная идея не должна путать трагическую игру народных комиссаров. Но «вожди народа» не скрывают своего намерения зажечь из сырых русских поленьев костер, огонь которого осветил бы западный мир, тот мир, где огни социального творчества горят более ярко и разумно, чем у нас, на Руси. Костер зажгли, он горит плохо, воняет Русью, грязненькой, пьяной и жестокой. И вот эту несчастную Русь тащат и толкают на Голгофу, чтобы распять ее ради спасения мира. Разве это не «мессианство» во сто лошадиных сил? А западный мир суров и недоверчив, он совершенно лишен

сентиментализма. В этом мире дело оценки человека стоит очень просто: вы любите, вы умеете работать? Если так – вы человек, необходимый миру, вы именно тот человек, силою которого творится все ценное и прекрасное. Вы не любите, не умеете работать? Тогда, при всех иных ваших качествах, как бы они ни были превосходны, вы – лишний человек в мастерской мира. Вот и все. А так как россияне работать не любят и не умеют, и западноевропейский мир это их свойство знает очень хорошо, то – нам будет очень худо, хуже, чем мы ожидаем...».

Ещё более категоричен в своих высказываниях был Карл Маркс, идеи которого мы пытались выдать как истину в последней инстанции: «Россия – контрреволюционная раса, раковая опухоль Европы», «Московия была воспитана и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства» и т.д.

И если принять во внимание слова Ленина о том, что «учение Маркса всесильно, потому что оно верно» и зная теперь с высоты нашего времени о тёмной стороне всей нашей советской истории и победы в Великой Отечественной войне, на которой советские генералы людскими жизнями солдат и офицеров разбрасывались, как конфетти на новогодней ёлке, то уже в 60-е годы возникал вопрос, а не лучше ли было остановиться в своей экспансии, переосмыслить пройденное. И сделать упор на общечеловеческие ценности, базирующиеся на добре и разуме, а не на чьих-то бредовых идеях, из-за которых должны гибнуть и калечиться люди?

Ибо по всему было видно, что нас с утра до вечера готовили к массовой бойне ради каких-то призрачных идей о пролетарском интернационализме и коммунистическом рае на земле! А, по сути, ко второму нашествию диких орд с Востока на Запад в угоду очередному кремлёвскому Батью с намерением превратить все города и сёла Старого Света в радиоактивную щепень, если не получится мирным путём сделать все страны Европы такими же серыми и бедными, как республики Советского Союза с его брежневским застоём, вороватым и плутоватым населением и оголтелой коррупцией. И если сравнивать, например, Финляндию и Карелию, Аляску и Чукотку, Германию и Калининградскую область, Японию и Сахалин, то со всей очевидностью станут ясны цели такой политики, и посочувствуешь Чехословакии, попытавшейся вырваться из этого монгольского бесперспективного рабства. И хоть политработники пытались доказать, что в нашей стране людям, освобождённым от буржуазной эксплуатации, не знающим безработицу и тяжёлый подневольный труд, живётся лучше, чем на Западе, многие офицеры уже не верили во все эти байки. Иронично называя политработников «политрабочими, для которых чтение газет не отдых, как для всех, а тяжёлый труд». И какая там дальше жизнь в сторону Атлантики и США - можно было уже догадываться не в пользу социализма, делая выводы на основании не только радиоголосов в эфире и самиздатовской литературы, но и на свидетельствах людей, живших на Западе или побывавших «за бугром» в туристических поездках. Которых с каждым годом становилось

всё больше. И чем дальше время уходило от разрушительной для СССР Великой Отечественной войны, объяснявшей худо-бедно отсталость нашей страны от европейских капстран «необходимостью восстановления почти всей разрушенной промышленности и сельского хозяйства», тем привлекательнее становилась жизнь у капиталистов с их рынком в экономике и конкуренцией в сфере производства. Ибо становилось всё более очевидным, что командное плановое ведение хозяйства исчерпало себя и перестало удовлетворять спрос людей в необходимых для нормального существования деталях. А чёрт всегда в мелочах, а не в гигантских пирамидах и эпохальных свершениях, усердно насаждавшихся в стране, что стало подтачивать Советский Союз с его успехами в космосе и великими достижениями в балете в ущерб развитию более 100 наций и народностей на территории СССР, а также и его союзников, которые до поры до времени тянулись к метрополии, то бишь к «перспективной», как все считали, Москве, столице СССР. Видя в ней в начале их социалистического старта наилучшую модель развития, - ведь именно Советский Союз недавно победил саму Германию, - а значит, что-то в нём есть для подражания! И с таким «убойным аргументом» эти народы не могли ни о чём другом думать по причине жёстких подавлений инакомыслия и всевозможных запретов и ограничений, исходивших из той же Москвы. Как не знали и других способов наведения порядка в своей империи и советские диктаторы – только с помощью штыков, которые, по словам Талейрана, «хороши всем, кроме одного – на них нельзя сидеть».

Поэтому возникал вопрос, чем мы можем удивить чехов и словаков, включив эти народы в свою имперскую зависимость, если уже после 20 лет разгрома «Тысячелетнего рейха» при пересечении границы Словакии и Западной Украины в районе Чопа всем въезжающим в Советский Союз сразу же бросалось в глаза:

тусклость и нищета советских городов и сёл с их покосившимися и давно не отремонтированными чёрными избами, колодцы с воротами, поленницы дров для печного отопления, керосиновые лампы вместо электричества; разбитые дороги, бедность ассортимента товаров в магазинах, очереди за самым необходимым;

грязь на улицах и их неосвещённость в ночное время и т.д.

Поэтому было ясно, что всё это изжившее себя социалистическое убожество так дальше продолжаться не может. Люди многое стали понимать и по нарастающей роптать. Что и привело к внезапному распаду СССР в августе 1991 года.

Взрыв такой «стабильности» приходит не тогда, когда очень много людей против власти, - у Ленина было всего около трёх тысяч бойцов перед захватом Зимнего дворца в октябре 1917 года, - а тогда, когда эту власть никто не хочет уже защищать. Поэтому единственное, что мы точно знаем о революциях, это то, что мы не знаем, когда они происходят. Как не

предвидел никто Кронштадтское и Тамбовское восстания в 1921 году, приведшие к прогрессивному НЭПу; восстания заключённых в лагерях в 1953 году – к Хрущёвской оттепели; Горбачёвской перестройке предшествовала «Революция анекдотов», когда никто уже серьёзно не воспринимал кремлёвских старцев с их обещаниями светлого будущего.

Советская имперская система, внезапно рухнувшая в красно-бело-коричневые 90-ые, стала неожиданно, но уже с элементами капитализма двигаться в другом направлении. И если на Востоке говорят: «Не бойся того, кто в гневе кричит, а бойся того, кто в гневе молчит», то очень хочется дожить до времени, когда начнёт уже хоть что-то меняться в России в лучшую сторону. Чтоб весь этот великодержавный фордевинд на подводные рифы Жёлтого моря по воле очередного кремлёвского пожизненного сердара, наконец-то изменился на Западный. А о людях, вернувших ход истории страны к реально существующим сияющим вершинам прогресса, судили не по речам, а по делам.

А пока возвращаюсь к повествованию. Начальство оценило усердие Гутника, и вскоре в Оломоуц с начальника штаба дивизиона он отправился на должность начальника артиллерии мотострелкового полка, перешагнув ступень командира дивизиона, что случалось в армии довольно редко. Слышал, что в Оломоуце он плохо кончил, угодив каким-то образом под танк Т-62.

За границей я тогда оказался впервые, и всё мне было в новинку. И чистота городских улиц, и отсутствие очередей в магазинах за товарами, и отношение чехов к окружающей среде (недаром после вывода наших войск они затребовали от России 5 миллиардов долларов за причинённый экологический вред).

Нередко возле нашего гарнизона можно было увидеть зайцев или низко летящих уток. При этом наши офицеры говорили, что чехи настолько ленивы, что не охотятся за зверем и птицей, которые «сами просятся на выстрел».

Наверное, поэтому в первые месяцы на Либавском полигоне (Воинский простор по-чешски), который перешёл к ЦГВ с вводом наших войск, вся живность была ручной, оленей и кабанов можно было встретить где угодно и когда угодно. А косули даже принимали корм из рук. В реках водилась форель. Всему этому благополучию и гармонии между человеком и природой вскоре пришёл «песец». Зверей постреляли из автоматов, форель потравили хлоркой, деревья стали вырубаться сотнями кубометров на дрова и другие нужды. Задымили трубы многочисленных котельных и водомаслогреек. Луговой дёрн машинами стал вывозиться на благоустройство военных городков. К тому же мойка огромного количества автотехники и танков, слив отработанных горюче-смазочных материалов в общую канализационную систему не лучшим образом влияли на качество всей питьевой воды, и так дефицитной и дорогой в Чехословакии (по 8 крон

за кубометр). А потрава посевов и лугов во время наших бесконечных и продолжительных учений добавили лишнюю головную боль для всех, занятых в сельском хозяйстве чехов.

В некоторых местах ухудшилось качество шоссейных дорог от проезда по ним или через них нашей большегрузной техники, танков и других колёсных механизмов и прицепов.

Во время отпуска в феврале-марте 1969 г я смотрел передачи хоккейного чемпионата мира и очень переживал за нашу сборную СССР. Наши хоккеисты заняли тогда первое место по очкам, несмотря даже на то, что проиграли две встречи чешской сборной со счётами 3 : 4 и 0 : 2. И когда я возвращался в полк, то видел эти цифры на фасадах зданий и на вагонах поездов. По приезде во Френштат узнал, что по всей Чехословакии прокатилась волна демонстраций с битьём стёкол в наших штабах и сожжением машин. Не миновала сия участь и Френштатский гарнизон. После последнего нашего хоккейного проигрыша перед нашим КПП состоялась довольно крупная демонстрация чехов, при которой в штабе были выбиты несколько стёкол.

А чешских хоккеистов в Праге встречали как национальных героев, доказавших русским оккупантам, что дух свободы в Чехословакии не сломлен и за успехами в спорте скоро последуют политические победы.

После волны массовых выступлений молодёжи в Прагу срочно прилетели наш Министр обороны маршал Гречко с заместителем Министра иностранных дел, по-моему, Семёновым, и в руководстве братской республики произошли кардинальные кадровые перестановки. Дубчек, Смороковский, Черник и ряд других товарищей были отправлены в отставку. Во главе государства был поставлен лояльный Кремлю Густав Гусак. Почти все низовые партийные организации практически в полном составе прекратили своё существование. В средствах массовой информации были поставлены люди Гусака. В общем, всё произошло в духе одного четверостишия:

Дисциплиной сжав материки,  
По Земле идут большевики  
И Земля спросить у них боится,  
В ту ли сторону она вертится

Вместо устойчивой системы демократических институтов в Чехословакии воцарилась диктатура, подвластная кремлёвским одуванам. И в стране резко изменилась политическая обстановка. Под дулами советских орудий произошли радикальные преобразования. Чешская пропаганда была резко перенаправлена на укрепление братской дружбы с СССР с благодарностью чехов и словаков за оказание интернациональной поддержки в деле возврата на рельсы социализма и коммунизма. В городах и сёлах, в которых не было наших гарнизонов, во всех ресторанах русских вояков стали встречать как

освободителей и угощать горячительными напитками и пивом. В тех же городах, где стояли наши гарнизоны, и где уже довольно хорошо изучили нашего брата, отношение оставалось по-прежнему холодным и зачастую даже враждебным. Ибо чехам хорошо были знакомы воровские и сексуальные повадки наших военных, их ненасытная потребность опустошать все растущие вдоль дорог сливы, яблони и огородные овощи, хулиганские выходки, их пьянство и непредсказуемость в поведении.

Прибыв в полк из отпуска в марте 1969 г., я узнал о двух новостях, произошедших в полку, одна из которых напрямую касалась ребят моего взвода.

1-я новость. При производстве боевых артиллерийских стрельб на полигоне в Либаве, когда траектория полёта снаряда проходила через наблюдательные пункты (в то время было модно стрелять через головы своих войск), из-за неустановки уровня на 76-мм пушке-заменителе на угол укрытия снаряд разорвался прямо в центре наблюдательных пунктов. Разведчиков спасло то, что все они находились в окопах, а снаряд был на фугасное действие, т.е. с колпачком на взрывателе, и все осколки после разрыва полетели вверх, не задев никого.

Проще говоря, случился старый артиллерийский анекдот, когда стреляющий на НП офицер после подачи команды на огневую позицию об открытии огня и после доклада с огневой позиции «залп» понял, что подготовил данные не по цели, а ошибочно по своему наблюдательному пункту. И скомандовал всем разведчикам и связистам после свиста над головой и команды «засечь»: «ложись».

Чтобы предотвратить случайный обстрел своих участников учений на приборах управления огнём рисуется котёл безопасности, на орудиях ставятся ограничители по вертикальным и горизонтальным углам прицеливания. И всё же из-за халатности офицеров и солдат такие случаи в войсках имели место. Хорошо, если все они заканчивались без человеческих жертв.

2-я новость. 1-й дивизион совершал марш из Либавы во Френштат через Витков, где на перекрёстке был выставлен регулировщиком солдат из взвода разведки Газиаидзе Годердзи Ревазович с автоматом и, как потом оказалось, с одним патроном. Который он спрятал в заначку после очередных стрельб из автоматов. Регулировщиков выставлял капитан Воробьёв как исполняющий обязанности начальника разведки полка. Воробьёв, как я уже писал, стал вскоре командиром 1-го дивизиона и закончил службу, как я слышал, в Закавказье в звании полковника и в должности командира артиллерийской бригады.

Газиаидзе стоял на оживлённом перекрёстке. Мимо на большой скорости проносились «шкоды», «татры» и не исключено, что водители легковушек умышленно направляли свои машины на советского вояку. Зная, что или этот вояк в последний момент отскочит от наезжающей машины или он вывернет руль, не повредив регулировщика. Несколько машин Газиаидзе пропустил,

но потом нервы у него сдали, в нём заиграла горячая грузинская кровь, и он послал единственную пулю из автомата АКМ вдогонку проехавшей уже «школе».

Машина уехала, Газиаидзе сняли с поста, и ничто пока не предвещало беды. Но через какое-то время от чешской СНБ (Службы народной безопасности) нашему командованию стало известно, что в Виткове была обстреляна гражданская «школа», за рулём которой находился Гейнц Груббе, справа от него находилась девушка, а сзади сидела медицинская сестра из больницы в Будишове 23-летняя Мирослава Мала. Пуля, выпущенная Газиаидзе, пробив радиатор «шкоды» (у неё мотор находился сзади), деформированной угодила в печень Мирославы. Она была доставлена в ближайшую больницу, где ей сделали срочную операцию, и она в результате осталась жива. О её дальнейшей судьбе мне ничего не известно. Знаю только, что нашим командованием ей была предложена путёвка в Крым, от которой она отказалась.

В Оломоуце состоялся суд военного трибунала над Газиаидзе, который во всём раскаялся и просил прощения у потерпевшей, и у её родителей. В конечном итоге «учитывая сложную обстановку в Чехословакии, искреннее раскаяние обвиняемого» его приговорили к 2-ум годам заключения условно. И ввиду окончания срока службы отправили в родную Грузию на гражданку. На суде самой потерпевшей не было, как не было и водителя «шкоды». Интересы Мирославы представлял её отец, председатель общества советско-чехословацкой дружбы в Будишове, оставшийся довольным вердиктом суда. Интересы Газиаидзе защищал адвокат Кормилец.

Газиаидзе я знал как хорошего исполнительного солдата, поэтому я тоже остался доволен решением суда.

После этого выстрела Ставского как исполняющего обязанности командира полка хотели было уволить на 30% пенсии, но он к кому-то обратился в штабе ЦГВ и ему дали дослужить несколько месяцев до полной 50-процентной пенсии. Получили по выговору Воробьёв и я как командир взвода разведки, несмотря на то, что я в это время находился в отпуске. Я – «за плохую воспитательную работу во взводе» от своего тогда непосредственного начальника Ставского.

В 1970 г я с несколькими взводами от полка находился в командировке на заработках в Копшевичах, на заводе, выпускавшем автомобили «татра». Чехи поместили всех нас в добротном общежитии, в отдельных комнатах по два человека в каждой. В столовой нас бесплатно и вкусно кормили. В свободное от работ время играли в футбол на заводском поле. Как-то нас всех сводили на искусственный каток на хоккейную встречу местных команд. Солдаты благодаря такому внимательному и доброму отношению к ним старались на работах у чехов и не нарушали дисциплину. Знаю, что не только с Френштата посылали солдат к чехам на заработки. Сужу об этом по нескольким приказам о наказании должностных лиц ЦГВ за личные присвоения заработанных таким образом денег.

Стали меняться в лучшую сторону и бытовые условия солдат и офицеров. В начале 1970 г сдали первый жилой панельный дом для семей офицеров, превратившийся тут же в коммуналку из-за острой нехватки жилья. Для солдат построили клуб, в котором по вечерам стали крутить фильмы, построили казармы, заасфальтировали территорию автопарка. В этом же году произошли изменения в командовании полка. Палаткин был переведён на должность начальника ракетных войск и артиллерии дивизии в Брюнталь. На его место, на должность командира полка, прибыл подполковник Киреев. Вместо подполковника Ставского прибыл подполковник Почуев. Вместо ушедшего на пенсию Бардичевского прислали другого офицера.

Меня с должности командира взвода разведки перевели на должность командира взвода управления 1 батареи, которой командовал 32-летний старший лейтенант Виктор Гребенюк. У которого было чему поучиться, ибо его 1-я батарея 1-го дивизиона считалась лучшей в полку. С Гребенюком у меня сложились нормальные деловые отношения. Хотя Виктор был большим любителем выпить, и хорошо погулять с невыходом на службу в течение нескольких дней. К тому же он был очень не равнодушен к женскому полу. Из-за чего его часто приходилось разыскивать по различным ресторанам и притонам. Но своё дело знал хорошо, и ему всё прощалось.

Неожиданно для всех нас свёл счёты с жизнью, выбросившись из окна виллы во Френштате, наш полковой врач лейтенант Бадаква. Погиб в автомобильной катастрофе врач танкового полка лейтенант Холодков.

В котельной при взрыве котла погиб солдат-истопник.

Запомнился один случай. За городом у нас находился учебный центр, на стрельбище которого наши и чешские солдаты и офицеры выполняли упражнения курса стрельб из личного оружия. Там же находился и наш винтполигон для макетной отработки задач по стрельбе из своих штатных гаубиц.

Как-то на этом полигоне стреляли чешские милиционеры из табельного оружия. Для охраны имущества на этом учебном центре всегда находились два наших солдата. И один из них, приняв на грудь изрядную дозу алкоголя, вдруг ни с того ни с сего бросил в толпу чешских милиционеров две гранаты РГД-2. Никто из чехов серьёзно не пострадал, осколки потом хорошо извлекались простым пинцетом. Солдат с автоматом и несколькими гранатами сбежал, и его пришлось искать по всей Чехословакии. Нашли через неделю в Праге.

В танковом полку однажды произошло крупное ЧП, в результате которого под угрозой жизни оказались жильцы близлежащих к нашему гарнизону чешских домов. Сгорели три «шилки» (зенитно-пулемётные установки). В двух установках боеукладка взорвалась в парке. А горящую третью «шилку» солдат, рискуя своей жизнью, сумел завести и вывести из парка, и она уже стала рваться за воротами гарнизона. Вскоре объявили

причину пожара и подрыва трёх установок – короткое замыкание электросети.

Крупная автокатастрофа произошла в 1971 г. и в нашем 1-ом дивизионе, и именно в 1-ой батарее, в которой я служил. Я в это время находился со своим взводом на Либавском полигоне на строительстве учебного центра. Как обычно, утром на заработки к чехам была отправлена грузовая машина с 30-ю людьми на борту и со старшим машины лейтенантом Байковым. Машина была с тентом и не имела к счастью скамеек для сидения. По дороге водитель развил большую скорость, на повороте не справился с управлением и ЗИЛ-164 на большой скорости перевернулся через носовую часть в кювет. В результате пятеро солдат погибли на месте, несколько человек, в том числе и Байков, были госпитализированы с травмами различной степени. Водитель не пострадал и был вскоре осуждён. Пришлось пять цинков отправлять домой на Украину.

В начале 1969 г. в ЦГВ произошло ЧП, о котором долго не смолкали разговоры. В Австрию сбежал старший лейтенант Кудрявцев, служивший в Тренчине помощником военного коменданта. Он познакомился с одной чешкой, намного старше его по возрасту и имевшей родственников в этой сопредельной стране. Она оформила его как своего родственника, и на машине они оба благополучно пересекли границу.

После этого случая со всех трибун политработники и особисты стали призывать к усилению бдительности. Попал и я на заметку к полковым и дивизионным особистам как имевший связи с чехами. Несколько раз пришлось беседовать с начальником особого отдела полка старшим лейтенантом Бороздиным и даже дать подписку о доносительстве в случае каких-либо предложений провокационного характера моих знакомых чехов. Ведь какая-то дальняя родственница Божены в 1968 г. эмигрировала в Канаду и переписывалась с её матерью. Несколько писем, пропитанных духом свободы и благополучия в новой стране, я видел с фотографиями роскошного дома этой родственницы, совсем недавно ещё гражданки ЧССР. К счастью, мне не пришлось давать никакого компромата на свою теперь уже чешскую родню, ибо 30 июня 1971 г. у нас с Боженной на свет появилась дочь Соня, которую я вскоре признал, и которая стала по документам Жемайтисовой. Тем самым подтвердив старую максиму, что цветок любви может прорасти и среди камней. Тем самым я повторил судьбу своего старшего брата по отцу Станислава, в то время служившего в Москве подполковника, участника парада Победы в Москве в коробке курсантов Московского военно-инженерного училища в июне 1945 года. И который, проходя службу с 1946 по 1950 годы в звании лейтенанта в Центральной группе войск (в то время состоявшей из гарнизонов Австрии и Венгрии) в Сомбатхее Венгрии сошёлся по всей вероятности с венгеркой Эльзой, родившей от него ребёнка. В то время существовал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1947 года «О запрещении браков между гражданами СССР и иностранными гражданами», действовавший до

ноября 1953 года, поэтому Стасу «за связь с иностранцами» пришлось пройти через суд офицерской чести и досрочный перевод в Союз. Тем не менее это не помешало ему поступить и закончить Московскую военно-инженерную академию и благополучно завершить службу в 1976 году с 250-рублёвой пенсией (у гражданских тогда максимальная пенсия была в 120 рублей).

Поэтому мне в срочном порядке пришлось в отпуске разводиться с Макаровой Еленой (слава Богу, что от неё у меня не было детей) и в середине 1972 года оформить брак с Боженой, на что у меня ушло несколько месяцев постоянных обращений в различные инстанции, в том числе и в советское консульство в Брно.

После бракосочетания нам с Боженой и Соней командованием гарнизона была предоставлена комната на вилле. Через месяц совместной жизни меня под конвоем двух офицеров на станции Валашске-Мезиржичи посадили в поезд «Прага-Москва» и отправили в Союз в распоряжение командования 58-й мотострелковой дивизии Туркестанского военного округа с дислокацией штаба в городе Кизыл-Арвате Туркменской ССР (См. статью «Чехословакия – Казанджик»). Вскоре по приезде в г. Казанджик Туркменской ССР для прохождения службы в мотострелковой дивизии, в которой мне предстояло служить, произошло сокращение штатов. Меня перевели в Ашхабад в 55-й Армейский артиллерийский полк. Как женатому на чешке, мне предоставили квартиру. Но из-за чиновничьей бюрократии, затянувшей разрешение на въезд моей семьи в Ашхабад, у Божены чувства остыли. Она после получения разрешения от Командующего Туркестанским военным округом, стала тянуть с переездом. У меня появилась новая семья в Ашхабаде и в феврале 1976 года мы развелись с Боженой, после чего я тут же женился на Вере, имевшей от первого брака дочь Наташу, и родившей мне в 1978 году в Самарканде, где я проходил службу после Ашхабада, прекрасного сына Яниса. Так мы с Верой и встретили старость после благополучного завершения мой службы в 1990-ом году после переезда на родину моего детства Москву, где и живём с Верой вдвоём в двухкомнатной квартире по настоящее время в Ново-Переделкине. Сын же Янис со своей женой Надеждой, их дочерью Алисой и сыном Алёшей, нашими внуками, живут в квартире жены в Измайлове. Сложилась семья и в Железнодорожном Московской области у моей падчерицы Наташи с мужем майором в отставке Василием Босым с сыном Степаном, дочерью Женей с её мужем Павлом и уже с их дочерью Викой и сыном Пашей, нашими правнуками. В Чехии живут дочь и две внучки. Все семьи обеспечены нормальной по российским сегодняшним меркам жилплощадью, всё в соответствии со знаменитыми словами писателя Гоголя, что «человек без честного рода и потомства, что хлебное семя, вброшенное в землю и пропавшее даром. Выхода нет – никто и не узнает, что вброшено было семя!».

Говорят, сегодня Френштат не узнать. Он стал центром международных зимних, спортивных состязаний. А в мою бытность в нём

имелся один только трамплин, с которого как-то во время лыжной прогулки солдат из моего взвода разведки рядовой Яковлев прыгнул на своих армейских лыжах с мягким креплением. И довольно красиво и мягко приземлился.

А на вилле, в которой мы с Боженной провели медовый месяц, местные власти в настоящее время устроили публичный дом.

Привожу по памяти офицеров и солдат, служивших со мной в артиллерийском полку 31-й танковой дивизии Френштатского гарнизона.

#### Полковники - капитаны.

Полковник Палаткин, полковник Киреев, подполковник Ставский, подполковник Почуев, подполковник Исачкин, подполковник Крицын, майор Тартышев.

подполковник Жиганов, подполковник Байков, подполковник Третьяков, подполковник Япринцев, подполковник Арбузов, майор Бардичевский, майор Прокошенков, майор Осипов, майор Макаров, майор Воробьёв, майор Шкабарня, майор Гутник, майор Романов, майор Костик, майор Маринюк, капитан Гребенюк, капитан Рудковский, капитан Кузнецов Геннадий, капитан Глызь, капитан Лесюткин, капитан Кузьмин, капитан Кучер, капитан Луки, капитан Сорокин.

#### СТАРШИЕ ЛЕЙТЕНАНТЫ И ЛЕЙТЕНАНТЫ:

Приступа, Погребняк, Сентябов, Байков В, Сагань, Бороздин, Худяков, Кобылинский, Пошелюжный, Бирюков, Садовой, Федорюк, Ратников, Мкртычян, Возный, Бадаква, Коваленко, Маковецкий, Кузнецов Л.П., Крат, Коровников, Бондаренко, Аникин, Посохов, Якушин, Сорокин, Гордеев, Карандин, Иванюк, Иванько, Ляскало, Коханый, Лысенко, Клепиков, Владов, Чех, Чивилихин.

ПРАПОРЩИКИ: Галимзянов, Донец, Юзва, Завирюха.

#### СЕРЖАНТЫ И СОЛДАТЫ:

##### ВЗВОД РАЗВЕДКИ ПОЛКА:

Остертаг, Орос, Семёнов, братья-близнецы Селивановы, Смертин, Яковлев, Яковещак, Зимонин, Шлапак, Падашюля, Зорин, Остапчук, Даргужаев, Кураев, Лебедев, Гринько, Пикалов, Федотов, Газиаидзе, Решетивский, Костюк, Зубкович, Прудников, Рябко.

ПЕРВАЯ БАТАРЕЯ:

Ченгери, Папилов, Мовчан

22.11.2016 г

«Главному редактору журнала «Вопросы истории»  
А.А. ИСКЕНДЕРОВУ  
от генерал-полковника Уткина Б.П.

Глубокоуважаемый Ахмед Ахмедович!

Обращается к Вам с личным письмом ваш давний почитатель и постоянный читатель журнала Уткин Борис Павлович. С удовольствием (и пользой!) читаю, слушаю и смотрю Ваши выступления по телевидению, радио и в печати. Вижу в них чёткость позиции, глубину мысли, социальную смелость, научную принципиальность. С интересом читаю журнал. Для меня, старшего научного сотрудника редакции Военной энциклопедии Института военной истории МО РФ, - это необходимость. Радуюсь, что в журнале публикуют материалы моих товарищей – сотрудников Института. Начальник Института В.А.Золотарёв организует систематическое информирование коллектива о публикациях Вашего и других исторических изданий.

Поводом для моего обращения к Вам послужила публикация в 9 номере журнала за 1999 г. «Чехословацкого дневника 1968 – 72 гг.» бывшего командира взвода разведки артиллерийского полка (ап) 31 танковой дивизии (тд) Центральной группы войск (ЦГВ), ныне подполковника в запасе О.Ф.Жемайтиса.

Полагаю, что для суждения об этой публикации у меня есть моральное право: окончив Московское артиллерийское училище (1942г) и артиллерийский факультет ВПА им. В.И.Ленина (1953г), я 25 лет прослужил в артиллерии в звене – взвод, батарея, дивизион, полк, артдивизия; 5 лет был начальником Высшего военно-политического танко-артиллерийского училища.

Посчастливилось мне поработать и в редколлегии журнала «Знамя» под руководством Вадима Михайловича Кожевникова (1982 – 1987гг) и в редколлегии Военно-исторического журнала (гл. редактор Алексей Иванович Евсеев).

После увольнения из армии в звании генерал-полковника с 1989 г. служу в Институте военной истории. Думаю, что и вся моя 50-летняя служба даёт основание для высказывания мнения о работе, касающейся Советской Армии, военной темы. Я не знаком с автором О.Ф.Жемайтисом, не знаю и военного консультанта (рецензента) журнала. Потому обращаюсь лично к Вам – Вы решали судьбу публикации.

Хорошо, что научный журнал оказывает честь и публикует материалы бывшего командира взвода. Командование взводом – пора молодости, взрыв таланта, неуемная энергия и желание сделать как можно больше. Офицер – человек официальный, государственный, он занимает вполне определённое место в системе государственного управления. Во время командования взводом офицер проходит самоутверждение, формирует позицию, получает первый результат.

Конечно, не все командиры взводов одинаковы, различны их человеческие, служебные и общественные судьбы. Командир взвода «батарейных орудий» 4 бастиона в Севастополе 1855 – 1856 гг поручик Л.Н.Толстой своими «Севастопольскими рассказами» сделал Крымскую войну достоянием всей нации, всего мира. В те же молодые годы он внёс проект реорганизации батарей, усовершенствования зарядных ящиков, предложил издавать специальный военный журнал. Глубокие знания армии позволили Л.Н.Толстому позже внести проект реформирования Российской армии. Командир взвода, а затем сотни во время Чеченского похода поручик М.Ю.Лермонтов своими стихами, песнями, а потом и повестями привлёк внимание русского общества к проблемам Кавказа, дал мастерское описание событий и действий людей на войне. Командиры взводов Советской Армии артиллеристы Ю.В.Бондарев, Г.Я.Бакланов, А.А.Ананьев, Б.Ш.Окуджава, В.В.Быков, Мустай Карим (Мустафа Сафич Каримов); танкисты Д.А.Гранин, С.С.Орлов одни из лучших страниц своих широко известных произведений посвятили военной молодости, родному взводу, давшему им путёвку в жизнь, в большую литературу.

Другое дело, на мой взгляд, «Дневник О.Ф.Жемайтиса». Более чем понятно, не все командиры взводов будут Толстыми, Бондаревыми, Жуковыми и Шапошниковыми. Издательства не могут ждать, пока они появятся. Но правда и в другом: редакции должны искать авторов и растить их. Л.Н.Толстой оставил нам – историкам – бессмертный завет: «Добывайте истину просеиванием».

О чём же поведал читателям бывший командир взвода О.Ф. Жемайтис? Что нас заставило взяться за перо? По содержанию, вопреки заголовку, сочинение не подходит к жанру дневников: не хватает откровенности, доверительности, самооценок. Это скорее записки, зарисовки, воспоминания. Какова тема повествования? Видение эпизодов деятельности людей (ап) и окружающей полк среды глазами молодого офицера, выпускника Коломенского артиллерийского училища, на протяжении 4 лет и посильные ему описания своих наблюдений. Поражает легковесность суждений, недостоверность выводов, мелкотемье, литературная слабость.

Автор даёт искажённое представление о штате полка того времени (в полку насчитывалось не 800, 1200 человек), умаляет (не обоснованно!) достоинства 122-мм гаубицы М-30 – лучшего орудия второй мировой войны. Да, она принята на вооружение в 1938 году, но своими качествами заслужила завидное долголетие и после войны. О сменившей это орудие гаубице Д-30

автор лишь упомянул. Жемайтис охаивает артиллерийские радиолокационные станции, топопривязчики, приборы и тягачи. Профессионалу-артиллеристу надо же знать разницу между тактико-техническими качествами оружия различных поколений и состояния его в руках нерадивого командира.

Легковесность и беспомощность автора прослеживаются «в привязке» службы в полку к известным чехословацким событиям 1968 года. Кстати, они глубоко описаны П.Н. Лащенко, А.М. Майоровым, А.И. Грибковым, Г.П. Яшкиным, С.М.Золотовым. не соответствует действительности количество дивизий стран Варшавского договора, введённых в ЧССР (как и всей Европы!) в количестве ресторанов на 1000 населения, в чистоте улиц, в хорошем состоянии дорог, обсаженных (к восторгу Жемайтиса!) плодовыми деревьями. Между тем, чехи даже в переработанном виде не употребляют плоды этих деревьев ввиду их токсичности. Смешно и грустно читать о воровстве жителями солдатских шапок. Что касается отношения жителей ЧССР и ап 31 танковой дивизии, то автор, приведя факт или суждение, сразу же скрывается за спасительными для верхогляда словами «слышал», «нам говорили», «нам не рекомендовали». Вспоминается фронтовой артиллерийский термин об офицере, прошедшем неудачную стрельбу: стрельба по шороху и по показанию местных жителей.

Поражает мелкотемье в выборе автором главного направления повествования, в разработке замысла. Нет, не жди читатель – командир взвода не пишет о своей работе, не радуется успехам за 4 года. Мы так и не узнали, вывел ли командир взвода в число отличных (лучших, передовых), добился ли он классной квалификации по специальности, повысил ли спортивный разряд, овладел ли техникой полка, победил ли на профессиональных состязаниях, достиг ли взаимозаменяемости во взводе и сокращения нормативов боевой работы. Ему не до результатов в службе. Главное усилие он направляет на описание пьянства офицеров и солдат, шатания по кабакам, отлынивание от службы, фактов воровства вещей в общежитиях. Нового Жемайтис не сообщил, подобные нарушения были не только в его полку, но и в других полках. Важно другое, как боролись с этим злом, как преодолевали эти недостатки и, если известно, добились результата или не достигли его и почему. Выставлять причиной пьянства, лени, равнодушия, отрешённости офицеров бесперспективность в службе, отсутствие большого дела – ложная посылка. В 60 – 70-е годы были отличные условия для продвижения по службе: успешно служивший офицер выдвигался, повышался в звании как правило через 2 – 3 года. Лучшим из лучших воинские звания присваивались досрочно.

Удивительно много места автор отводит жалобам, описаниям бытовой неустроенности офицерского состава, организации питания, трудности при переездах по дорогам («тесно», «медленно идут поезда» и т.д.). Не знаю, что скажут о трудностях подлинных своих и мнимых, описанных в дневнике, офицеры воюющие в Чечне и Дагестане. Скажу как фронтовик Великой

Отечественной войны, прошедший от Москвы до Вены. Я хорошо помню как наш командир (72 гвсд, 25 гвск) генерал-лейтенант Герой Советского Союза Бани Ганиевич Сафиуллин наставлял нас молодых командиров: «Трудности – дело неизбежное. Часть из них возникает объективно, другую создаёт противник, но главная причина трудностей – малоэффективная деятельность начальников. Дело чести командира преодолеть трудности и добиться результатов, успеха, победы». В мирное время, сейчас, слова мудрого генерала не потеряли актуальности.

И последнее. Автор проявляет неуважение к людям, которых он упоминает в тексте. Солдат у него с фамилией, именем и отчеством. Тоже – некоторые офицеры. А вот командир полка – просто Палаткин, командир дивизии – Соколенко. Я знаю этих генералов, они живы, они тоже могут быть читателями журнала.

В заключение я хотел бы высказать два пожелания. Буду очень рад, если Вы их разделите со мной. Первое, надо посоветовать автору глубже вдуматься в слова классика: «Нет сильнее муки слова!». Второе, читателям 9-го номера журнала придётся утешиться собственными выводами о прочитанном. Неплохо бы при этом вспомнить известное четверостишие:

«Я знаю, время растяжимо,  
Но всё зависит от того,  
Какого рода содержанием  
Вы наполняете его».

К сожалению, автор «Дневников...», которому научный журнал оказал такую большую честь, не наполнил время тысяч читателей содержанием, достойным их внимания, переживаний и чувств в связи с военной темой вообще, «чехословацкой» в особенности.

С глубоким уважением. Б.П. Уткин

22 ноября 1999 года.»

Ольгерд! Добрый день, хорошего здоровья! Я, Сажнев В.Ф. служил во взводе связи в арт. полку с 1968г - 1970г. Взводным был лейтенант Пошелюжный, а начальником связи майор В. Прокошенко. Вас очень хорошо помню, когда Вы пришли во взвод разведки. Прочитал вашу статью о Чехословакии и окупился в те события. Вы очень правдиво и достоверно описали события тех дней. Моя радиостанция стояла на дежурстве возле плаца. И почти вся моя служба прошла на ней. Моим другом был Сергей Пикалов, он был писарем в штабе. Помню братьев Селивановых, помню Газиаидзе, и многих других. Коротко о себе: работаю сервисным инженером по копировальной технике. Фоток тех дней очень много. Обязательно выложу. Мой

SAZHNEVVLADIMIR@MAIL.RU Что интересует, спрашивайте. С уважением Владимир С.

7.02.2013 г.

## ВОСПОМИНАНИЯ САЖНЕВА В.Ф. О СОБЫТИЯХ 1968 ГОДА ПРИ ВВОДЕ СОВЕТСКИХ ВОЙСК В ЧЕХОСЛОВАКИЮ

Май 1968 год. Запорожье. Приходят повестки из военкомата на медицинскую комиссию. Прохожу медкомиссию и жду повестки для призыва. Но пока работаю на одном из заводов Запорожья. После окончания средней школы работал на заводе регулировщиком радиоаппаратуры. Работа по душе, а главное в те времена хорошо оплачиваемая. Я с детства занимался радиоделом, а на заводе закрепил знания на практике.

Одним словом, собирают нас всех призывников на сборном пункте, и формируется состав. Мы знали, что будем служить в западной Украине, а где конкретно пункт назначения никто не знал. Вели колонной до Ж.Д. под гармошку, выпивка, наказания отцов и матерей, невест и т.д. Эшелон загрузили и в 20-00 он тронулся. Ехали долго, примерно сутки и в 22-00 город Тернополь. Что хорошо запомнил, так дождь лил как из ведра. Правда, уже стояли машины крытые брезентом и мы, почти были сухие. Погрузили в машины и привезли в Ярмолинцы. Небольшой городишко типа ПГТ. Там стоял зенитный и танковый полки. Они уже были подняты по тревоге и находились за Карпатами в районе Ужгорода. Карантин проходили в Ярмолинцах. Месяц строевой, нормативные стрельбы на полигоне и физподготовка. Командовали нами сержанты, которые пришли из учебок. Сильно не усердствовали, но варианты были. Далее, после принятия присяги нас начали разбирать в войска, которые были подняты по тревоге. Так, я после экзамена с майором В.Прокошенко был определен во взвод связи. На то время взводом командовал старшина Лисняк. Отличный радистелеграфист и он хотел чтобы все были такими, но просто такого не может быть. Поэтому иногда злился и перегибал палку. Так, мы с учебкой в полевых условиях совершенствовались матчасть. Я попал в экипаж на маломощную штабную засовскую Р125МТ, благо форма два была уже на заводе. Начальник радиостанции был сержант Руслан Шигалугов. Кабардинец по национальности. Хороший парень, мы с ним сработались. В июле месяце, я уже самостоятельно сидел на дежурстве. Полк все время дислоцировался возле границы с ЧССР. Один случай мне хорошо запомнился. После очередной дислокации полк разместился в пойме речки Латорица. Речушка не широкая, но течение быстрое. Ночью, на очередном своем дежурстве с 18-00 до 12-00, в Карпатах прошел сильный дождь. И эта маленькая речушка начала мгновенно разливаться. Объявили в полку тревогу, и мы успели унести свои ноги. Последствия могли быть хуже. Переехали на другое место. Колхозное поле. Уборочная закончилась. Поставили палатки, а дождь не

унивался. Это было 20 августа. Выдали по 3 магазина с патронами к АК 47 и по 2 гранаты. Приказ был на явные провокации давать отпор, вплоть до применения оружия. Все уже нутром чувствовали, что вход в ЧССР неминуем, но когда никто не знал. Мы, радисты, были ближе к информации, поэтому знали больше. И вот наступил вечер 21 августа. По сети командира и начальника штаба получаем сигнал от командира дивизии. Это было часов в 22-00. Сигнал был о вскрытии конвертов, в которых очевидно излагались действия полка. Вот тут все закрутилось и пришло в движение. Войска 31 т.д. выстроились в маршевый порядок и началось движение. К границе подошли к Ужгородскому и Чехословацкому пограничному КПП. Сопредельная сторона сначала постаралась препятствовать движению. Там, наверное, поработал разведбат дивизии. Выстрелов я не слышал, но видел разбитое КПП чехов и заваленные столбы связи. Движение сначала было медленным, а затем ускорилось. На марше в колоннах все перепуталось. Уже не было той организованности. Связь в горной местности на УКВ очень плохая. Майор Прокошенко ехал на нашей Р125МТ рядом с водителем. Ехали тихо, мирно целую ночь. Чехи видимо и сами не знали что происходит. Под утро, когда начало рассветать, колонна остановилась. Наверное, давали подтянуться отставшим. Ведь гусеничная техника шла медленно, да и по их дорогам танки скользили как по льду. Были случаи, на поворотах, даже сносили домишки или срывались с дороги. Уже хорошо рассвело, дошли до города Попрад. Вот тут и началось. Толпы негодующих людей. Перегороженные дороги трамваями и всяким хламом. Колонна остановилась. Танкисты начали расчищать дорогу. В нас летели камни и всякие металлические предметы. Правда, стрельбы не было. Ребятам артиллеристам досталось. Ведь они ехали на открытых тентованных машинах. Нашу машину несколько чехов, раскачивая пытались перевернуть. Вот тут у майора нервы сдали, и он из пистолета сделал несколько выстрелов вверх, охладив горячие головы чехов. Они поотбегали за углы зданий, продолжая кидать разные предметы. Послышались автоматные очереди. Это артиллеристы оборонялись. Правда, продолжалось столкновение не очень долго. Танкисты расчистили дорогу, и мы продолжили марш. Районом сосредоточения нашего полка был город Жилина. Таких очагов сопротивления, как в Попраде, больше не было. Сосредоточились на окраине города. Низкая облачность, рев сирен, одним словом было не очень комфортно. Развернули полевую кухню. Хотя был и сухпак на двое суток, но после длительного марша хотелось и горяченького чая. Начальник тыла полка под-ик Третьяков на водовозе направился в город набрать воды. В ручьях и речках боялись набирать, основываясь на том, что может быть вода отравлена. Одним словом, через некоторое время Третьяков вернулся избитым и без оружия. Возле мэрии негодующие люди его и побили. Правда, в защиту включилась местная полиция. Начальник тыла и несколько ребят со взвода разведки поехали на БТР в город на разборку. Оружие вернули в полицейском участке и воды набрали в городском водоводе. Так закончилась операция \*Вода\*. Я сидел на дежурстве на связи

со штабом дивизии. Подсели бортовые аккумуляторы, и их нужно было подзарядить. Движок для зарядки в походном положении крепился сзади автомобиля. Попытки завести движок не получились. Оказывается, еще в Попраде, когда дорога была заблокирована, чехи насыпали песка в бензобак движка. Пришлось подзарядять батареи от движка автомобиля. Примерно через сутки по приказу из дивизии полк передислоцировался в район города Вишков. Стояли на поле бывшего аэродрома. Развернули батареи дивизионов в направлении города. Там базировалась Чешская танковая академия. По ночам разведчики дежурили, наблюдая за академией. Капитан Воробьев с радиостанцией Р108 и бойцами со взвода разведки часто ходили дежурить. Связь осуществлялась через мою Р125МТ. Однажды, по тревоге полк ночью в 22-30 был поднят. Оказалось, чехи с бокса выгнали 2 танка, а минут через 10 загнали обратно. Больше других случаев я не помню. Так в полевых условиях мы простояли до глубокой осени. Условия были полевые, но кормили очень хорошо. Потом нас передислоцировали в Френштат. Вот там дивизионы проживали в капитальных казармах, а взвода ВБО в деревянном бараке. Условия проживания в бараке были получше чем в поле, но хотелось ещё получше. Вот так до дембеля я продежурил на радиостанции. Служба как служба. Бегали в самоволки, пили чешское вино по 8 крон, знакомились с чешками и т.д. В город в увольнения не пускали. Ходили с офицерами патрулями. Были и стрельбы по нашему КПП. На ученья выезжали на полигон в Либаву. Уже позже были совместные штабные ученья с чехами. Это было на полигоне в Доупово. В мае 1970 всех дембелей собрали в дивизию, а затем эшелонами в союз. Так закончилась моя служба в ЧССР. В данный момент живу и работаю в Запорожье. Вот кратенько и все.

Владимир Сажнев.

---

И в заключение статьи приведу стихотворение Евгения Евтушенко, написанное им 23.08.1968 года, т.е. уже на второй день после начала оккупации Чехословакии советскими войсками, за которое, к счастью, он никак не был наказан властями. И с обидой в душе, что в наше непростое отвоевательное-восстановительное СССР время нет такого второго поэта, призывавшего нас всех не превращаться в «помесь Ноздрёва и человека в футляре».

## **ТАНКИ ИДУТ ПО ПРАГЕ**

Танки идут по Праге  
в затканой крови рассвета.  
Танки идут по правде,  
которая не газета.

Танки идут по соблазнам  
жить не во власти штампов.  
Танки идут по солдатам,  
сидящим внутри этих танков.

Боже мой, как это гнусно!  
Боже - какое паденье!  
Танки по Ян Гусу.  
Пушкину и Петефи.

Страх - это хамства основа.  
Охотнорядские хари,  
вы - это помесь Ноздрева  
и человека в футляре.

Совесть и честь вы попрали.  
Чудищем едет брюхастым  
в танках-футлярах по Праге  
страх, бронированный хамством.

Что разбираться в мотивах  
моторизованной плетки?  
Чуешь, наивный Манилов,  
хватку Ноздрева на глотке?

Танки идут по склепам,  
по тем, что еще не родились.  
Четки чиновничьих скрепок  
в гусеницы превратились.

Разве я враг России?  
Разве я не счастливым  
в танки другие, родные,  
тыкался носом сопливым?

Чем же мне жить, как прежде,  
если, как будто рубанки,  
танки идут по надежде,  
что это - родные танки?

Прежде, чем я подохну,  
как - мне не важно - прозван,  
я обращаюсь к потомку  
только с единственной просьбой.

Пусть надо мной - без рыданий -  
просто напишут, по правде:  
"Русский писатель. Раздавлен  
русскими танками в Праге".

30.08.2018 г